18+

Е. Г. Архангельская

Мистер Дарси и его друзья

Продолжение знаменитого романа «Гордость и предубеждение»

Е. Г. Архангельская

Мистер Дарси и его друзья. Продолжение знаменитого романа «Гордость и предубеждение»

«Издательские решения»

Архангельская Е. Г.

Мистер Дарси и его друзья. Продолжение знаменитого романа «Гордость и предубеждение» / Е. Г. Архангельская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500062-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.В романе «Мистер Дарси и его друзья» рассказывается о судьбе всех пяти дочерей мистера Беннета, о жизни в прекрасном поместье Пемберли в течение почти 13-ти лет после свадьбы Дарси и Лиззи и об их многочисленных друзьях с их радостями, огорчениями и приключениями.

ISBN 978-5-00-500062-0

© Архангельская Е. Г.
© Издательские решения

Содержание

Прибытие в Пемберли 6
Бал в честь мисисс Дарси 15
Жизнь в Пемберли 17
План для Лонгборна 21
Заботливая жена 28
Джонни и Эми 35
Недоразумения и ревность 42
Уроки домоводства 46
Не все женщины могут порадовать 49
Гринхолл 52
Супружеская жизнь 56
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Мистер Дарси и его друзья Продолжение знаменитого романа «Гордость и предубеждение»

Е. Г. Архангельская

© Е. Г. Архангельская, 2019

ISBN 978-5-0050-0062-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прибытие в Пемберли

Коляска тронулась. Лиззи и Дарси, только что объявленные в церкви мужем и женой, несмотря на улыбки на их лицах, чувствовали напряжение и скованность. Новизна отношений смущала и волновала их. Дарси повернулся к своей молодой жене, Лиззи взглянула на него, и их первый поцелуй положил конец неловкости. Дарси воскликнул:

– Наконец-то на правах мужа я уже смею, и непременно буду целовать тебя всю дорогу, до самого дома!

– О, нет! Пожалуйста, не надо! Вспомни о работниках шоколадных фабрик – они ненавидят шоколад! Дома ты уже не захочешь смотреть на меня. Я так и умру без твоих ласк!.. – Дарси улыбнулся и еще раз поцеловал ее.

– Не целуй меня, дорогой! – воскликнула Лиззи. – От твоих поцелуев я теряю голову, а зачем же тебе безголовая жена?!

– Это я теряю голову, а не ты.

– Тем хуже! Твоя голова ценнее моей, ее утрата невосполнима! Что скажет миссис Рейнолдс? – «Вот приехали безголовые супруги»? Это очень несолидно!

Дарси засмеялся. «Я победил! Она – моя, на веки веков – моя!». Он был горд собой. Лиззи прижалась щекой к его жилету и прошептала: «Ах, как хорошо!» Дарси услышал. Ему тоже было очень хорошо. Некоторое время они ехали, боясь пошевелиться и спугнуть это необыкновенное ощущение счастья.

Каким суматошным был этот долгожданный день, – думала Лиззи.– Платья, церковь, полная гостей, и он… Она шла к нему с Джейн и отцом, который вел их обеих к женихам, но видела только его, его одного. И вот, наконец, они вместе. Дарси словно читал ее мысли. Он приподнял ее голову, прижался губами к ее лбу и тихо сказал: «На всю оставшуюся жизнь мы – вместе». Она обняла его.

– Да, дорогой, да!

Дарси вспомнил свое первое впечатление от ее взгляда там, на балу, и то, как он сказал о глазах Лиззи подошедшей к нему мисс Бингли.

– Ты видела лицо мисс Бингли в церкви?

– Нет. Я видела только тебя.

– Ах, Лиззи, какое у нее было лицо! – засмеялся Дарси.– Я видел всех пока ждал тебя: видел радостное лицо у Джо, а рядом с ней совершенно скорбное у мисс Бингли.

– Ты не великодушен. Впрочем, я – тоже.

И она крепче прижалась щекой к его груди, слушая, как бьется его сердце.

Был жаркий июльский день. Теплый ветерок приятно щекотал лица.

Четверка лошадей легко несла открытую коляску. Кругом никого не было и только лошади и покрикивание кучера нарушали тишину. Вдруг Лиззи засмеялась. Дарси удивленно посмотрел на нее.

– Я вспомнила, как говорила, что никогда, никогда и ни за что не выйду за тебя замуж.

Он улыбнулся.

– Если бы ты только видела лицо мистера Беннета, когда я сказал ему, что прошу твоей руки. Большего изумления невозможно себе представить. Ясно было, что он не имел ни малейшего представления о наших отношениях.

– Наши отношения… – задумчиво повторила за ним Лиззи.

Она закрыла глаза и положила голову на плечо Дарси. Он уловил тонкий и нежный запах жасмина, идущий от ее волос. Ему хотелось прижаться к ним губами, и он сделал попытку снять с ее головы шляпку с фатой, но это ему не удалось.

– Нет, у тебя ничего не выйдет. А вот у меня получится. – И Лиззи сняла с его головы цилиндр, положив его рядом с собой. – Он мешает мне видеть твои глаза и… и целовать тебя.. – И она ласково привела по его лицу пальчиками. Он задержал ее руку и прижал к губам. Лиззи никогда раньше не видела его таким – с искрящимися от счастья глазами и нежной улыбкой. Он был необыкновенно красив новой для нее красотой, не той холодной, спокойной, с глубоко запрятанными чувствами, каким все видели его всегда. Ей хотелось говорить ему какие-то ласковые слова, еще не сказанные, но она не знала их. И не нужно было никаких слов. Он был здесь, рядом, его лицо приблизилось к ней, его губы снова коснулись ее губ, и опять громко застучало ее сердце.

Дорога в Пемберли не казалась им ни длинной, ни утомительной. Они наслаждались снятым, наконец-то, обрядом венчания запретом дарить друг другу ласку, и были счастливы.

Но вот Дарси надел цилиндр, поправил слегка сбившуюся на волосах Лиззи шляпку, и сказал:

– Мы въехали на наши земли. Теперь нам нужно быть приличными, дорогая моя.

Они уже ехали по прекрасному парку усадьбы Пемберли.

Лиззи вспомнила, как путешествуя с тетей и дядей Гардинерами по Озерному краю, они оказались в Пемберли, где домоправительница миссис Рейнголд в отсутствии мистера Дарси показывала им гостевые комнаты и, расхваливая хозяина, сказала: «Представить себе не могу, какая невеста будет ему парой!». Эти слова тревожили: как-то ее примут? Сочтут ли достойной парой хозяину? Как все будет?

Был уже пятый час пополудни.

– Лиззи, смотри, сейчас за поворотом ты увидишь мой дом, наш дом, твой дом, дорогая!

Дарси с нетерпением ждал приезда домой. Он представлял себе, как будет водить Лиззи по дому, показывать ей комнаты, которых она еще не видела, как будет целый день рядом с ней, как будет все, чего еще не было в их отношениях, из чего состоят дни и ночи с их радостями и заботами. Его волновал сегодняшний день – радостный и суматошный, длинный-длинный, конца которого так трудно было дождаться.

В большом доме услышали колокольчик приближающейся коляски. Издали было видно, как у подъезда собираются слуги, чтобы встретить хозяина и его жену.

Миссис Рейнолдс не позволила себе показать удивления, узнав в молодой хозяйке ту самую девушку, которую видела здесь всего дважды. Она произнесла маленькую приветственную речь и представила миссис Дарси всех слуг. Лиззи со смущенной улыбкой здоровалась, что-то говорила каждому, и сразу отметила, что кроме одной молоденькой горничной по имени Нэнси, все слуги были старше ее. Они вошли в дом.

– Мистер Гриффин, Джеймс! Если Вы не накормите нас, мы умрем от голода!

– Сэр, все готово. – И повар учтиво поклонился.

Дарси повел Лиззи наверх, в комнаты, не предназначенные для посторонних. Они вошли в его кабинет. В большой светлой комнате стоял стол с бумагами, были шкафы для книг, широкий диван и кресла, камин. На стенах висели картины в изящных рамах. Здесь все было строго и красиво. Лиззи заметила сбоку маленькую дверь, но Дарси открыл другую, которая вела в великолепную супружескую спальню. Очевидно, это была анфилада из трех больших комнат, так как и здесь против большой двери, через которую они вошли, была такая же другая. Дарси открыл ее.

– Вот, дорогая, твоя комната. – Лиззи замерла на пороге. Такой роскоши ей еще никогда не приходилось видеть. Прекрасные комнаты в Недерфилде были ничто по сравнению с этой. Лиззи в растерянности смотрела на удивительные ткани на окнах, диваны и кресла, обтянутые белым шелком, туалетный стол, маленькое изящное бюро, столик для рукоделия и множество всего того, что необходимо молодой даме. В детстве она представляла себе, что только в таких комнатах и жили сказочные принцессы. Кроме двери, в которую они вошли, другая дверь вела

в коридор. Была еще маленькая дверь в туалетную с камином и большим котлом в нем для согревания воды. Там был изящный умывальный столик, шкафы для белья и одежды, кресло. Посредине стояла большая медная ванна.

– Нравится? Если что-то не так, скажи и все будет переделано.

– О, нет, нет! Все так! Все прекрасно! Ничего не нужно менять!

– Давай освободимся от этих нарядов. Позвони, придет Нэнси и поможет тебе с этими бесконечными крючочками. Оденемся просто, по-домашнему. Мы – дома, одни, сегодня никто не приедет. Я буду ждать тебя в столовой, дорогая.– И Дарси ушел к себе.

Лиззи была в растерянности. Очень хотелось есть, шпильки кололи волосы, но она еще не была готова к роли хозяйки в этом доме и потому не стала вызывать горничную и переоделась сама. В легком светло-желтом платье, которое еще больше красило ее, чем подвенечное, она спустилась в столовую.

Пообедав, они вышли в парк. Дарси хотел показать ей самые красивые, самые любимые места для прогулок. Они шли вдоль берега реки. В одном месте Лиззи остановилась.

– Как жаль, что здесь нет скамейки! Можно было бы часами сидеть здесь и любоваться. Какая красота!

– Скажи миссис Рейнолдс, чтобы она заказала 4—5 скамеек, и когда они будут готовы, ты покажешь, где их поставить. Это будет твое первое распоряжение. Учись, дорогая, быть хозяйкой дома.

Лиззи смутилась и молча пошла дальше. Быть хозяйкой этого громадного дома? Раньше она не задумывалась об этом. Конечно, она знала, что будет жить в Пемберли, но… что она умеет, что знает, чтобы быть хозяйкой? Тяжесть ответственности легла на ее плечи. Это не маленький Лонгборн, умело управляемый мамой и папой, где все слуги были знакомы ей с детства. Сможет ли она? И справедливо ли, что ей достались вся эта роскошь и богатство? Ей достаточно было только его одного, только Дарси, его любви, его нежности и заботы.

Дарси заметил какую-то неуловимую перемену в ней с тех пор, как они приехали в Пемберли. Она была напряжена и как-то скована. Её что-то тревожило. «Что с ней? Почему она не такая, какой была, когда мы ехали сюда? Что ее беспокоит?» – огорчался Дарси.

Скамеек не было, но земля была теплая и сухая, трава мягкая и чистая. Сидеть на небольшом пригорке было приятно. Дарси рассказывал о своем детстве, о матери, о том, как она гуляла с ним здесь, когда он был маленьким. Лиззи слушала, смотрела на небо, и видела, как легкие облака складываются то в белый кружевной зонтик молодой леди, то делаются похожими на кудрявую головку ребенка, то на букет белых цветов.

– А потом появилась Джо. Она росла ласковой и доброй девочкой. Мы со Стивом часто играли с ней.

– Кто такой Стив? Ты как-то упоминал это имя…

– Стивен Блэдфорд. Это мой самый дорогой друг. Он мне как брат. Мы вместе учились, вместе поступили в Кембридж. Его родители были дружны с моими родителями. Это были состоятельные, образованные и очень приятные люди с прекрасными манерами. Стив был единственным и поздним ребенком. Он часто гостил у нас. Здесь в доме есть даже «комната Стива». В ней никто и никогда не живет кроме него.– Дарси замолчал. Он скучал по своему другу и с нетерпением ждал его возвращения, представляя себе, как удивится Стив, узнав о его женитьбе.

– А где он сейчас?

– Шесть лет назад в его семье случилось ужасное несчастье: возвращаясь из путешествия по Испании, родители погибли вместе со всеми пассажирами во время сильного шторма. Корабль утонул, спаслись только пять человек… – Дарси помолчал. – Стив окончил Университет и уехал в Германию совершенствоваться в химии и фармакологии, которой увлекся. Там он жил три года. Потом отправился на год в университет в Пуатье (это во Франции). Время от вре-

мени он присылает мне весточку из какого-нибудь города. В последнем письме он писал, что скоро должен вернуться. Он непременно приедет в Пемберли. Ты увидишь, какой это милый, приятный человек. Джо его обожала. И было за что – никто так не любил играть с ней, как Стив. Я даже дразнил его «мистер гувернанточка». – Дарси замолчал, глядя куда-то вдаль. Было очень тихо. Лиззи смотрела на реку. Немного впереди она увидела маленькую купальню. Очевидно ею давно не пользовались и она немного покосилась. Берег был пологий и переходил в узкую полоску песка

– Ах, как хорошо было бы плавать и лежать здесь – мечтательно проговорила Лиззи.

– Я прикажу восстановить павильончик. Ты и Джо будете приходить сюда купаться. Ты умеешь плавать?

– Да. В Лонгборне не было реки, но в поместье Лукасов было небольшое озеро. Шарлотт, я и Джейн в детстве там часто плавали. Шарлотт старше и она нас научила. Мама заказала нам очень хорошенькие костюмчики для купания. Я и сейчас помню их.

Лиззи встала. Они еще немного прошли вдоль берега реки. Солнце садилось, становилось прохладно, пора было возвращаться в дом. Они медленно пошли обратно. Лиззи молчала, а Дарси поглядывал на нее и думал, думал, но никак не мог найти объяснения тому, почему она такая грустная. Горькая мысль закралась в его душу: что, если она раскаивается в том, что дала согласие на брак с ним, приняв за любовь то расположение, симпатию и чувство благодарности, которое испытывала к нему за Лидию? И теперь страдает от своей ошибки. Теперь, здесь, приехав в Пемберли, где должна стать женой и хозяйкой, может быть, она почувствовала, что не готова ни к тому, ни к другому? Что, если это так?

А Лиззи не могла легко и быстро свыкнуться с новым своим положением. Ни в одной сказке никогда не говорилось о том, что было в душе у дочки лесоруба, внезапно превратившейся в принцессу.… Видя этот прекрасный парк, великолепный дом и свою роскошно обставленную комнату, Лиззи думала о том, что здесь на ее месте должна была бы быть другая женщина – более красивая, чем она, более образованная, более умная и более достойная человека, равного которому не было на свете. Она с огорчением признавалась себе самой в том, что она – скромная девушка из маленького Лонгборна, – невольно заняла чье-то место. Что могла она дать ему, кроме своей любви?

Лиззи сидела за туалетным столиком, поправляя растрепавшиеся волосы, когда к ней вошел Дарси.

– Ты не открывала ящичек стола?

– Нет. Зачем? Я еще ничего туда не положила.

Дарси подошел к столику и выдвинул один из ящичков. Там лежала плоская коробка, обтянутая синим бархатом.

– Открой!

Лиззи подняла крышку и замерла. На белом шелку лежало прекрасное колье из голубых сапфиров. Рядом с ним блестели маленькие серьги. Колье представляло собой золотую ветку с листочками, между которыми сидели бриллианты, а с каждого листочка свисала голубая капля. Лиззи не могла найти слов. Такое… такое могла носить только королева! Дарси застегнул ожерелье на ее шее. Она повернулась к нему, чтобы что-то сказать, но он приложил пальцы к ее губам.

– Молчи, дорогая! Это мой свадебный подарок. Вижу, что тебе нравится. Если бы ты знала, как ты красива!

– Ах, это же целое состояние! Ты разоришься! – Дарси улыбнулся.

– Давай завтра продолжим разорение – поедем в Лондон. Тебе необходимо заказать бальное платье. Через две недели будет бал, и я хочу представит тебе своих друзей. Для Джорджианы это будет первый бал, она ждет его с нетерпением. У нее и платье уже готово.

– Но у меня ведь есть вполне приличные платья…

– Дорогая, здесь не Лонгборн и не Меритон… И туалеты нужны другие. Тебе, наверное, захочется надеть это, а, значит, и платье должно быть соответствующее. Ведь теперь ты жена очень, очень солидного джентльмена. Не забывай этого!

Лиззи смутилась. Ей не хотелось больше говорить о платьях.

– Куда мне положить это?

– В ящик, где лежало. Здесь никто ничего не крадет. Слуги знают, что я немедленно уволю всякого не только за крупное воровство, но и за пустяк. И это не потому, что я жаден или мелочен, а потому, что безнаказанность развращает.

– Конечно. Ты прав. – Лиззи положила коробочку в столик и встала. Было уже совсем темно. Дарси обнял ее.

– Уже поздно, пора спать, любимая. Я жду тебя в нашей спальне, дорогая моя миссис Дарси, …жду с нетерпением!

Погасив свечи, в новой, самой красивой ночной рубашке из своего приданого, распустив волосы, Лиззи медленно подошла к двери, ведущей в спальню, стараясь успокоить сильно бьющееся сердце. В большой комнате горела только одна свеча у постели. Было почти темно. Дарси в длинном халате стоял у окна и смотрел в ночь. Услышав скрип двери, он обернулся, быстро подошел к Лиззи, поднял на руки и отнес ее на постель. Потом погасил свечу и сбросил халат.

Приготовления к балу

В июле рассветало рано и, хотя утро еще не наступило, в спальне было светло. Дом спал. Спали слуги, спал Дарси. Лиззи проснулась и сначала не поняла, где она. Потом, всё вспомнив, она еще долго лежала, не решаясь взглянуть в лицо мужу при свете дня, но потом все-таки тихо повернулась. Рядом с ней лежал, раскинувшийся во сне, Дарси. Она впервые видела его спящим. Лиззи смотрела на него и вспоминала картинку из детской книжки: там был нарисован древнегреческий бог Арес, отдыхавший после сражения. Волнистые волосы, красивое благородное лицо, крепкая шея и широкие плечи, прикрытые тонкой тканью рубашки. Всё было в нем гармонично и мужественно. И этот прекрасный древнегреческий бог был ее мужем. Стараясь не разбудить его, она легко прикоснулась губами к его виску, потом тихо поцеловала щеку и вдруг увидела, что Дарси открыл глаза.

– Прости меня, дорогой! Я не хотела будить тебя… Спи, любимый, спи, еще очень рано, – говорила Лиззи, целуя его. Дарси улыбнулся и притянул ее к себе. Она положила голову на его плечо, прижалась к его боку и, почувствовав себя очень уютно, закрыла глаза.

Лиззи спала, а Дарси тихо лежал и думал о том, какие глупые мысли вчера вечером приходили ему в голову, и как хорошо, когда знаешь, что всё совсем-совсем не так, и ничего лучшего в жизни не нужно, потому что счастье тут, рядом, на его плече. Эта сладкая мысль медленно обволакивала его и постепенно уносила далеко-далеко. Он заснул.

Они спустились к завтраку уже поздним утром. Сидя за столом напротив мужа, Лиззи заметила, как он смотрит на нее. Ей стало неловко. Дарси заметил это.

– Не смущайся, дорогая. Сегодня ты еще прекраснее, чем была раньше. – Лиззи опустила глаза и покраснела.

Конюх Крис давно уехал за Джорджианой в поместье ее подруги, где она провела весь вчерашний день после венчания брата, и ночевала, а кучер прогуливался у крыльца возле кареты в ожидании хозяев. По дороге в Лондон, сидя в коляске, Дарси, обнимая Лиззи, сказал:

– Я – самый счастливый человек на всем свете!

– Нет, дорогой, нет. Это не так. Самый счастливый человек на свете – это я.

И оба самых счастливых человека засмеялись. Лиззи впервые ехала в карете Дарси. Этот экипаж невозможно было сравнить с тем, какой был у дядюшки Гардинера, и, уж конечно,

с простенькой каретой мистера Беннета. Сейчас перед ней стояла трудная задача: обдумать платье для бала, достойное голубых сапфиров. До сих пор она носила то, что заказывала для своих дочерей миссис Беннет, стараясь укладывать фантазии дочерей в суммы, разрешенные мистером Беннетом. Теперь можно было придумывать самой и не заботиться о стоимости туалета. Так велел Дарси. Лиззи была женщиной, а у какой женщины нет в мечтах фасона роскошного платья!?

В Лондоне, остановившись возле мастерской, где шили бальные туалеты, Дарси отправил кучера в свой лондонский дом предупредить миссис Флосс о том, что хозяева приехали, будут обедать дома и только вечером вернуться в Пемберли.

Для первого лондонского бала Лиззи выбрала голубой шелк, покрытый светло-голубым «газом». Она нарисовала мастерице платье. Та удивлялась, что-то переспрашивала, уточняла, но обещала все выполнить, опасаясь только того, что оставалось мало времени. Дарси, сидевший сбоку на диване, сказал, что можно нанять помощницу, и что, если все будет сделано очень хорошо и вовремя, он заплатит больше установленного. Когда мастерица услышала названную сумму, она покраснела, заволновалась и сразу заверила джентльмена, что все-все будет исполнено в срок.

Они немного прошлись по улицам города, заглянули в большой магазин, где Лиззи выбрала несколько вещиц для своего туалетного столика, ленты и еще кое-какие дамские мелочи. Дарси расплатился.

– К Вам домой, сэр? – спросил хозяин, указывая на коробку с покупками.

Дарси кивнул и она вышли.

– Но ты же не назвал ему свой адрес! – забеспокоилась Лиззи.

– Он знает. – Лиззи промолчала. Значит, Дарси часто покупал что-то в этом магазине, подумала она.

Экономка миссис Флосс была миловидной маленькой женщиной с очень печальными глазами. Обед был превосходный, было очень уютно. Лондонский дом Дарси был красивым, прекрасно обставленным, но не таким большим, как в Пемберли. Уставшие, Дарси и Лиззи устроились на широком диване, чтобы немного отдохнуть.

– Тебе понравилась миссис Флосс?

– Да. Очень. Только почему у нее такие грустные глаза? Даже когда она улыбается.

– Миссис Флосс – вдова очень хорошего доктора, который ездил к моим родителям. Я его хорошо знал. Доктор умер несколько лет назад, а вскоре после этого случилось еще одно несчастье: под колеса мчавшейся кареты попала их десятилетняя единственная дочь. Миссис Флосс не могла оставаться в своем доме, где все напоминало ей об этом. Она попросила меня помочь продать дом и подыскать ей место в какой-нибудь приличной семье. Я предложил ей свою.

– Какой ужас! Какое это несчастье – потерять ребенка!..

– Ты любишь детей? – Дарси внимательно посмотрел на нее.

– Конечно! Как может быть иначе? Ведь я росла среди детей. – Дарси долго молчал. Потом сказал:

– Я знаю: молодые женщины, выйдя замуж, не спешат рожать. Ведь это ограничивает их в развлечениях. Хочется быть стройными, танцевать на балах, бывать в обществе. А с детьми можно подождать два-три года. Так думают многие и их нельзя осуждать за это. – Дарси взглянул на Лизи:

– Скажи, Лиззи, скажи, дорогая, ты очень огорчишься, если у нас будет ребенок … скоро… в апреле…?

Лиззи обняла мужа.

– Если ты хочешь ребенка, я буду счастлива родить тебе его. Если сумею… В апреле… или… или когда захочешь… – Дарси прижал к губам ее руку. Он мечтал услышать такой ответ. Дарси хотел ребенка, детей. Он хотел иметь настоящую семью.

К вечеру супруги вернулись в Пемберли. Джорджиана уже ждала их. Застенчивая и сдержанная, она была тронута, когда Лиззи, войдя в дом, первой подошла к ней, обняла и поцеловала как сестру. Джорджиана сразу, еще при первом знакомстве в Лэмтоне почувствовала сердечность и искренность Лиззи. Дарси видел их встречу, чувствовал их расположение друг к другу, и это очень радовало и успокаивало его – ведь им предстояло жить вместе.

На следующее утро после завтрака Лиззи вышла в сад, о котором и Дарси, и его сестра говорили, что он удивительно хорош. Это и вправду было так. Она шла по дорожке, когда увидела пожилого сутулого человека. Это был очень старый садовник, человек замкнутый, неразговорчивый, плохо сходившийся с людьми и потому не имевший друзей среди прислуги.

– Доброе утро, мистер Гловер! – она еще не знала имен всех слуг, но это запомнила. Лиззи заговорила с ним о цветах, показала ему свои самые любимые и выразила свое восхищение тем, как все в саду ухожено, чисто и красиво.

Садовник почтительно слушал, а потом молча, не глядя на хозяйку, срезал несколько роз, очистил стебли от шипов и подал ей. Лиззи поблагодарила и побежала в дом ставить их в воду.

Дарси был очень удивлен – старик добросовестно исполнял хозяйские поручения. И – только. Он никогда не срезал цветы по своему желанию. Еще большее удивление вызвало то, что через каждые несколько дней Лиззи стала получать свежий букет, который ей приносила Нэнси от садовника. Узнав об этом, Дарси воскликнул:

– У меня появился соперник! Я начинаю чувствовать муки ревности!

– Ну, наконец-то у тебя обнаружился порок! А то ведь я почти поверила Кэролайн Бингли, что ты – само совершенство и не имеешь недостатков. Помнишь, как в Недерфилде она сказала о тебе: «Мистер Дарси – безупречный мужчина»? Трудно жить с идеалом!

Джорджиана услышала этот разговор и втайне удивилась смелости Лиззи: никто и никогда не решался подтрунивать над ее братом. А он не только не сердился, но тоже весело шутил.

После обеда Дарси повел Лиззи в конюшню. Сказочный мир Пемберли открывался ей с разных сторон. Лиззи помнила, с каким трудом приходилось выпрашивать у отца лошадь, если нужно было куда-либо поехать – все были заняты работой на ферме. Здесь же стояло восемь лошадей только для нужд хозяина. На ферме работали другие лошади. Светлая в яблоках лошадка принадлежала Джорджиане. Дарси подвел Лиззи к молодой кобылке, которую он называл Мэгги.

– Вот. Если она тебе нравится, она – твоя. Если нет, купим другую, такую же невысокую и смирную. Мэгги очень послушная и ласкова#. На ней Джо училась ездить, а потом пересела на Глори. Ты ведь не очень уверенно чувствуешь себя верхом?

– Не очень. Мне нравится Мэгги. Я буду приходить к ней, угощать сахаром и гладить. Она привыкнет ко мне.

– И полюбит. Крис, подбери дамское седло для миссис Дарси.

– Да, сэр. Вы, мэм, погуляйте с ней как-нибудь. Она скорее привыкнет к Вам, будет слушаться. Она ласковая.

Молодой рыжий парень с длинным подбородком и веселыми зелеными глазами был очень некрасив, но Лиззи ничуть не удивилась бы, если бы узнала, что он пользуется большим успехом у девушек всей округи и слывет лучшим танцором – было в нем что-то лихое и притягательное.

Дарси смотрел, как Лиззи ласково гладит лошадку, и думал о том, как все изменилось в его жизни. Это было его первое счастливое лето.

Тогда тоже было лето – всего год тому назад. Летом в Лондоне было плохо: жара, отвратительные запахи и грязь; грохот экипажей и ржанье лошадей врывались в открытые окна домов, заставляя людей предпочесть духоту, если они не могли покинуть город. Столичная знать отправилась в свои имения и Лондон опустел.

Но жара кончилась, дожди и сильный ветер делали устройство пикников и другие развлечения на природе мало приятными, и лондонские вельможи со своим женами, детьми и слугами стали постепенно возвращаться в свои городские дома. Вернулись и Брэксли. Граф Уильям Брэксли был в отдаленном родстве с миссис Анной Эмили Дарси, леди Кэтрин де Бург и их братом графом Мэтлоком. Виделись они редко, так как миссис Дарси не любила светских салонов, сестра ее – леди Кэтрин предпочитала жить в Розингсе, а граф был болен. Для графини Брэксли быть хозяйкой светского салона, принимать у себя цвет лондонского общества было, как она сама говорила, ее естественным и главным предназначением в жизни. Раз в неделю у нее собирались дамы и джентльмены, с удовольствием обсуждая недостатки своих ближних, демонстрируя модные туалеты, музицируя, критикуя новые романы и работу Парламента. Дарси тоже иногда бывал там, хотя и скучал, считая эти вечера потерянным временем. Однако он не мог отказаться от приглашений, так как не желал обидеть графиню. Он знал, как трудно было получить доступ в этот дом многим известным в Лондоне лицам – здесь было место только для избранных. Дарси получал приглашения и в другие дома лондонских вельмож, бывал там, иногда находя среди гостей интересных собеседников. Вместе с родителями приезжали и их дочери. Некоторые из них были очень красивы, они старались привлечь к себе внимание мистера Дарси – он был хорош собой, умен, образован, отлично воспитан и обладал несметным богатством. Таких женихов, как мистер Дарси, в городе было немного. Но ни одной из барышень пока не удалось добиться его особого внимания. Он ценил женскую красоту, но сердце его оставалось спокойным.

В салонах Дарси иногда встречал старшего сына графа Брэксли Дэниела, своего ровестника. Дэниел был красив, следил за модой и был азартным игроком, что тщательно скрывал от родителей. Это удавалось ему потому, что он был удачлив в игре, а проигрыши его были невелики. Дэниэл был не глуп и знал, что состояние отца таяло от непомерных запросов жены. Он понимал, что в будущем его ждет только титул при очень скромном состоянии.

Помочь ему могла удачная женитьба. Он бывал всюду – на балах, в салонах, в театрах, но изменений в его жизни пока не предвиделось, хотя ему, как и Дарси, было уже 27 лет. После возвращения Джорджианы из пансиона в Пемберли Дэниел стал частым гостем у Дарси, где заставал и других молодых людей. Как-то он познакомился там с сестрой приятеля Дарси, миловидной барышней, имевшей хорошее приданое, но, случайно узнав, что дед мисс Бингли был торговцем, резко изменил свои планы. Особое внимание Дэниела к Джорджиане никак не сказывалось на ее отношении к нему – он ей совсем не нравился.

Как-то Дарси получил от графини Брэксли записочку с приглашением на очередную пятницу – она ждала интересного гостя. Дарси поехал. В большой гостиной собралось избранное общество. Дарси знал всех, кроме высокого господина, к которому особенно была внимательна хозяйка. Это был гостивший в Лондоне русский князь со знаменитой и старинной фамилией. Их познакомили. Князь был очень любезен с молодым человеком и сказал, что уже слышал его фамилию от своих английских друзей. Завязался общий разговор, во время которого Дарси почувствовал, как хозяин дома граф Брэксли взял его под руку и тихо сказал, что хочет с ним поговорить. Они отошли. Убедившись, что их никто не слышит, граф попросил мистера Дарси об одолжении: нельзя ли на одной из его ферм, не очень удаленной от города, поселить молодую женщину с маленьким ребенком? Арендная плата за небольшой домик будет аккуратно вноситься. Граф посмотрел на Дарси в надежде, что тот все понимает. Дарси понял.

– Дорогой друг, мне кажется, что кто-то заметил мои посещения дома в не совсем престижной части города.

Дарси не задавал вопросов. Он попросил перо и бумагу.

– Вот адрес. Всего час езды от города. Поехать туда можно будет не раньше, чем через неделю – я напишу своему управляющему, ему нужно время, чтобы все подготовить. Назовите мне имя, под которым там будет жить Ваша протеже. Я должен сообщить это в письме, чтобы не называть Вашего.

Граф горячо благодарил. Дарси поклонился и отошел к гостям, чтобы присоединиться к общей беседе. Он не был игроком, не развлекался на досуге с хорошенькими белошвейками, но не имел намерения исправлять нравы. Это его не касалось.

На следующий день Дарси возвратился в Пемберли, где ожидал гостей – мистера Бингли с сестрой. Джорджиана старалась быть очень внимательной к ним. Она знала, как нравится брату мистер Бингли, как долго гостил брат у него в Недерфилде. Тогда, живя у Бингли, брат навестил тетю Кэтрин в Розингсе, приезжал на какое-то время в Лондон, а потом снова и снова ехал в Недерфилд. Потом Джорджиана узнала от брата о Лонгборне, о Лиззи.

Теперь, возвратившись с молодой женой в Пемберли, Дарси, отложив все свои дела, вовсе не стремился в Лондон. Только приготовления к первому балу сестры и необходимость заказать для жены бальное платье заставили его отправиться туда.

День бала приближался, платье было готово, и когда посыльный привез его в Пемберли, Лиззи сразу унесла коробку в свою комнату и никому не показала. Наконец этот день настал. Горничные хлопотали над прическами хозяек. Наступило время одеваться и ехать.

Лиззи стояла перед зеркалом и рассматривала себя в новом платье, когда в дверях появился Дарси. Он замер в восхищении: перед ним стояла очаровательная молодая леди в роскошном и удивительном наряде: лиф и рукава платья были строги и просты – никаких кружев, рюшиков, тесемок. По замыслу Лиззи ничто не должно было отвлекать взгляда от великолепного колье. Но на юбке, обычно лишенной всякой отделки, на платье Лиззи слева у самого подола были укреплены цветы, сделанные из этого же двухслойного материала. Каждый из лепестков был обшит тонкой золотой ниточкой Туалет был необычен, элегантен и очень красив. Дарси застегнул на шее жены прекрасное ожерелье, и голубой огонь отразился в зеркале. Сверкающие капельки дрожали в ушах. Пришла Джорджиана в нежно-розовом, отделанном белыми кружевами наряде.

– Ах, Лиззи! Какое у тебя великолепное платье! А эти цветы у самого подола! Они как живые! Какая красота! Такого я никогда ни у кого не видела! Ты будешь самой прекрасной дамой на балу!

Бал в честь мисисс Дарси

Когда они вошли в громадный зал, где под звуки оркестра танцевали нарядные дамы и джентльмены, Лиззи заметила, как некоторые из тех, кто не танцевал, беседуя между собой, оживились, рассматривая вновь прибывших. Несколько мужчин быстро направились к Дарси, приветствуя его. Это были старые знакомые, давно не встречавшие его на лондонских балах. Дамы держались в стороне, но не трудно было заметить, как внимательно они рассматривают Джорджиану и, особенно, Лиззи.

Мисс Дарси сразу же оказалась в центре внимания нескольких молодых людей, ангажировавших ее на первые танцы, в перерыве между которыми, веселая и довольная, она на несколько минут подходила к брату, чтобы снова исчезнуть.

Мистер Дарси принимал поздравления по случаю женитьбы и представлял жене своих знакомых. За всю свою жизнь Лиззи не слышала столько комплиментов, высказанных в такой изысканной форме, как в этот вечер. Когда она после окончания очередного танца подходила к мужу, их сразу окружали знакомые, полузнакомые и совсем незнакомые господа, желающие быть представленными ей. Сам Дарси почти не танцевал – только первый танец с женой. Восхищение красотой и изяществом миссис Дарси, которое высказывали его приятели, были ему очень приятны, хотя он и не разрешал себе показать это. Однако червячок тщеславия, еще живший в его душе, был досыта накормлен.

Лорд Эдвин, приятель Дарси еще по Кембриджу, донимал его смешными вопросами о том, в каком графстве встречаются такие женщины, как миссис Дарси, куда ему ехать, чтобы найти такую невесту? Дарси отшучивался, уверяя лорда, что там, где он, Дарси, был, найти уже некого. И так как лорд слегка заикался, разговор получался долгим.

Дарси заметил в толпе одного из знакомых ему вельмож, с которым у него были хорошие отношения. Тот видел Дарси, но отвернулся.

– Что это с ним? – спросил Дарси у Эдвина.

– То, что твоя тетя уже побывала в нескольких домах. Не обращай внимания, дружище.

«Ну, что же, – подумал Дарси, – мистер А. очень любил бывать у меня в Пемберли. Больше он никогда не получит приглашения, даже если извинится».

– Не сердись на меня, Дарси, но я скажу то, что думаю: леди де Бург – злая женщина, хоть и твоя родственница! – В это время к ним подошли несколько джентльменов, приветствуя Дарси и желая познакомиться с миссис Дарси. Один из них, известный в обществе молодой граф, попросил у Лиззи согласия на следующий танец, и Лиззи, улыбаясь, обещала. Дарси очень жалел, что в зале, где танцевала только столичная знать и куда не было доступа тем, кто не принадлежал к высшему обществу, не было его тетушки. Что сказала бы она, видя, как почтительно склоняется к руке его жены молодой граф, считая за честь танцевать с прелестной миссис Дарси, этой, по выражению его тетки, «ничтожной и недостойной девицей низкого происхождения»? Как интересно было бы взглянуть на выражение лица леди Кэтрин!

Один из знакомых, только что говоривший с Дарси и Лиззи, стоял в кружке дам, и что-то обсуждал. Увидев, что жены рядом с Дарси нет, он снова подошел к нему.

– Прости, Дарси, но, если ты не удовлетворишь любопытство этих дам и моей жены, меня дома съедят до последней косточки. Мне поручено узнать у тебя, в какой из европейских столиц твоя жена заказывает туалеты. Скажи, ради Бога, ради мужской дружбы! Не хочешь же ты моей погибели? – Дарси улыбнулся.

– Ничем не могу помочь. Этот город жена тщательно скрывает даже от меня. Уверяет, что это Лондон, но думаю, что это женская хитрость…

Приятель разочарованно отошел.

Вечер подходил к концу. Лиззи и Джорджиана очень устали и, хотя уезжать было жалко, все-таки решили отправиться домой. До лондонского дома было недалеко, и кучер домчал их по пустым улицам за несколько минут. Обычно сдержанная Джорджиана была в восторге от бала, а Лиззи, полная впечатлений, расспрашивала мужа о некоторых новых знакомых, особенно о молодом человеке, которого Дарси представил ей как лорда Эдвина Доу. Он очень понравился Лиззи своей ироничностью, особой манерой говорить смешные вещи и даже легким заиканием. Сэр Эдвин был одного возраста с Дарси и учился вместе с ним в Университете. Он был строен, изящен и очень миловиден. Друзья считали его скорее рыжим, чем каштановым, он же был убежден, что скорее каштановый, чем рыжий.

Эдвин, окончив курс, написал несколько толковых работ по горным породам Скалистого края, но геология ему быстро наскучила, и он занялся изучением почв. Почвы оказались еще скучнее. Лорд увлекся историей саксов, прочитал множество статей, посвященных им, окончательно разочаровался в своих возможных предках и убрал книги о них на самую дальнюю полку своей библиотеки. Он решил, что не стоит самому искать себе дело – пусть дело найдет его. Примерно так же он рассуждал в отношении женщин, красоту которых очень ценил. Он готов был обзавестись семьей, но искать свою половинку было делом хлопотным. Лорд Эдвин ждал, пока она – предназначенная ему Богом женщина – сама найдет его. А пока он с восхищением смотрел на хорошенькую жену своего друга. Эдвин был весел, беспечен, отчаянно ленив и обладал талантом привлекать к себе людей. В отсутствии интересного дела сэр Эдвин все еще ничем не был занят и жил в полное свое удовольствие. Дарси любил его, и они часто виделись.

Лиззи еще долго расспрашивала Дарси о его знакомых, встреченных на балу. Особенно рассмешило ее стремление узнать, где она заказала платье. Она похвалила Дарси за его тонкий дипломатический ответ.

– Пожалуйста, никому не открывайте мою тайну, – попросила она.

– Ты же видела, что такого туалета, как у тебя, не было ни у одной дамы. Ты была самая красивая! Я была права! – уверяла ее Джорджиана. Дарси был с ней совершенно согласен. На следующее утро они уехали в Пемберли.

Жизнь в Пемберли

Как-то ночью Лиззи сказала мужу:

– Ты и не знаешь, о чем я молила Бога еще полгода назад. И как хорошо, что Бог не услышал мою просьбу!

– Как странно: ты довольна тем, что твое желание не исполнилось. О чем же ты просила?

– Если обещаешь не смеяться, расскажу. -Дарси твердо обещал, и Лиззи сказала.

– Я просила Господа сделать так, чтобы мистер Дарси разорился. Чтобы его доход не превышал 3-х тыс. годовых. И чтобы больше у него ничего не было.

– Разорился? Ты это серьезно? Наверное, там, на небесах, никогда не слышали такой просьбы, не поняли ее, и потому не исполнили. Скажи, дорогая, зачем ты хотела моего разорения? За что ты мне мстила?

– Ах, нет! Я не мстила. Ты не понял. Я полюбила тебя, но ты был богат, а я не хотела прослыть охотницей за богатым женихом. А если бы ты разорился, ни мисс Бингли, ни кто другой не добивались бы тебя. Ведь для этого нужно любить, а не просто хотеть твоих денег! А я, чувствуя, что нравлюсь тебе, сама бы, первая, сказала: «Я люблю Вас, мистер Дарси!». Мне ведь нужен был ты.

– Вот тебе доказательство божьей мудрости. Он видел, что умная женщина просит о глупости. И пренебрег твоей просьбой! Он же знал, что тебе будут нужны бальные платья, а я не смог бы их оплачивать! – смеялся Дарси, – Лиззи, а ты, и правда, сама бы сказала, что любишь меня?

– Правда. Ты же знаешь мой характер.

– Да. Знаю. Ты – смелая, правдивая и решительная. Ах, как я много потерял, не услышав «Я люблю Вас, мистер Дарси». За это и состояния было бы не жалко!

– Но ты же услышал, даже прочитал…

Лиззи замечала на себе внимательные глаза домоправительницы и, хотя она часто обращалась за советом к миссис Рейнолдс, ей все время казалось, что экономка изучает ее. Лиззи сказала об этом мужу.

– Ты права. Но все хорошо. Когда я, приехав домой из Недерфилда, сказал миссис Рейнолдс, что через неделю женюсь, и приказал приготовить для тебя комнату, она спросила, кто же станет хозяйкой Пемберли? Не мисс ли Бингли? Я понимал, что все слуги были в напряженном ожидании. Какова будет хозяйка? Что их ждет? Услышав, что не Кэролайн, она с облегчением вздохнула. Я назвал твое имя. Она промолчала. Ведь она видела тебя только дважды. Она совсем не знала тебя. А на днях в разговоре миссис Рейнолдс сказала: «Осмелюсь заметить, сэр, Вы сделали отличный выбор». Это она о тебе. Ты получила одобрение.

А миссис Рейнолдс, услышав от хозяина имя «мисс Беннет», не поняла, о ком идет речь. Она видела среди гостей, приглашенных мисс Джорджианой, ту девушку, которая накануне осматривала парк и дом вместе со своими родственниками, однако это ничего не значило. Но, проходя в тот вечер мимо музыкальной гостиной, она случайно в приоткрытую дверь заметила взгляд своего хозяина, направленный на эту молоденькую мисс, стоявшую у фортепиано. Миссис Рейнголдс еще никогда не приходилось видеть, чтобы мистер Дарси так смотрел на кого-нибудь. Не эта ли гостья и есть мисс Беннет? Приходилось ждать дня венчания. Когда же она узнала в молодой хозяйке ту самую гостью, ее тревога прошла. Молодая хозяйка понравилась, но прошло еще много времени, прежде чем осторожная и умудренная жизнью экономка одобрила выбор своего хозяина.

Был прекрасный теплый вечер. Лиззи и Дарси вышли в сад и медленно шли по дорожке. Солнце еще не зашло, запах цветов кружил голову. Лиззи глубоко вдохнула и села на скамейку, потянув за собой мужа. Дарси сел рядом. Лиззи на минуту закрыла глаза.

– Какое счастье, что ты успел, успел сделать мне предложение!

– Как это – успел? Разве у меня был какой-то срок? – удивленно взглянул на нее Дарси.

– Был, дорогой, был. Только не у тебя, а у меня.

– Не понимаю.

– После приезда ко мне твоей тети, а потом и письма к папе мистера Коллинза, я понимала, что, если сплетни о нас дошли до них, то и до тебя – тоже. И если ты ничего не предпримешь, значит, я тебе не нужна, а ты для меня потерян.

– Но ведь ты меня не любила…

– Ах, нет, нет… Разве ты забыл мое письмо?

– Нет, не забыл, его нельзя забыть, там было много горького для меня. Но, Лиззи, дорогая, скажи, когда же ты изменила ко мне отношение? Когда?

– Не знаю… – Лиззи долго молчала, а потом ответила. – Наверное, после того, как ты написал мне об Уикхэме, потом после разговора с твоей экономкой, потом, когда я тебя встретила там, на лугу, мокрым после купания, – ты был совсем не такой, как раньше, обрым, мягким, смущенным… А потом… потом… вечером, стоя рядом с Джорджианой у рояля, я увидела тебя совсем-совсем другим… таким, как сейчас… Таким, о котором я мечтала по ночам, лежа в своей постели.

– Ах, Лиззи… Но при чем здесь срок? Ты ведь сказала о каком-то сроке?

– Да. Это я себе дала его. Два-три месяца твоего молчания и я… Я уезжаю на север. Навсегда.

– На север? Что там, на севере? – удивленно посмотрел на нее Дарси.

– Женский монастырь. Для таких, как я.

– Лиззи! Ты – в женский монастырь?! Ты это серьезно?! Это – шутка?

– Нет, дорогой, не шутка. Ты можешь себе представить, что я вышла замуж без любви? За кого-то. По расчету или просто, чтобы стать замужней дамой, иметь свой дом… как Шарлотт?

– О, нет! Нет!

– Ну, вот видишь. Какой же выход был у меня? Ведь сердце мое было отдано тебе. А я – однолюбка. Нравиться мне могли многие, но любить… Значит, меня ждала участь старой девы? Но ведь я не уродина, не убогая. Почему же каждому, кто, может быть, захочет взять меня в жены, я непременно, непременно откажу? Что обо мне должны были бы думать мои родители? И за что им все это? В общем, от всего—всего был только один выход – уехать. И не видеть тебя, не слышать о тебе, о твоих возможных ухаживаниях за кем-то… этого я бы не перенесла… Вот потому-то я и дала себе срок ожидания…

– Боже мой! Подумать страшно! Я еду к тебе, а тебя – нет! Ах, дорогая моя, любимая! – И Дарси крепко обнимал свою молодую жену.

В Пемберли несколько раз после свадьбы приезжала Джейн с мужем и мисс Кэролайн, которая теперь держалась с «дорогой Элизой» не снисходительно, как раньше, а отдавала ей дань уважения, полагающуюся хозяйке Пемберли. Кэролайн выразила восторг, увидев убранство комнаты Лиззи, всячески восхваляла достоинства мистера Дарси как хозяина, видела, как заботился он о своей жене, и не переставала втайне удивляться его плохому вкусу в выборе супруги. Скрывать свои чувства было не легко.

Она долго жила в надежде, что брат забудет Джейн и женится на Джорджиане Дарси. Получив в Лондоне письмо от Чарльза, в котором он просил ее приехать в Недерфилд, чтобы помочь с устройством дома, так как уже назначен день его венчания с мисс Джейн Беннет, она, не дочитав до конца, долго сидела в огорчении. Однако уже ничего нельзя было поделать.

Тяжело вздохнув, Кэролайн снова обратилась к письму. После всяких распоряжений следовало радостное сообщение о том, что Дарси будет теперь ему не только другом, но и братом. Предстоит двойное венчание: он, Чарльз, женится на мисс Джейн Беннет, а Дарси – на мисс Элизабет Беннет. Кэролайн несколько раз перечитала эти строчки в надежде на то, что она что-то не так поняла, но нет, все так и было написано: мистер Дарси женится на Элизе Беннет! Кэролайн была в шоке. Она долго не могла оправиться от этого удара. В ее душе еще долго жила надежда на какое-то чудо, на то, что этот брак не состоится. Но когда там, в церкви, она увидела, как под звуки маленького органа по проходу идет мистер Беннет и держит под руки одетых в подвенечные платья двух своих старших любимых дочерей, как он подводит их к алтарю, как Джейн становится рядом с Чарльзом, а Элиза рядом с Дарси, надежды на чудо рухнули. Осталось горькое чувство досады – она так старалась заполучить Дарси!

По приглашению Лиззи в Пемберли как-то приехали тетя и дядя Гардинеры. Мужчины, взяв с собой удочки, сразу отправились на форелевый пруд, а Лиззи и тетушка Гардинер, получив полную свободу поболтать, пошли в сад. Там, сидя на скамейке, миссис Гардинер высказала Лиззи свое восхищение ее мужем. Она была рада за свою любимицу и считала Лиззи достойной всего того, что ей преподнесла судьба.

Миссис Гардинер, женщина умная, с решительным характером и мягкими, деликатными манерами, была дочерью банковского служащего, имевшего солидное положение в обществе и очень неплохие доходы. Отец дал ей хорошее воспитание и большое приданое. Уравновешенный и воспитанный, решительно отличающийся этими качествами от своей родной сестры – миссис Беннет – мистер Гардинер высоко ценил свою супругу. Брак их был весьма удачен. Все еще очень миловидная, несмотря на свой возраст, миссис Гардинер умело управляла домом и своим добряком-мужем. Лиззи любила и уважала тетушку, ей было очень приятно услышать от миссис Гардинер лестные слова о Дарси.

Богатый улов привел мужчин в отличное настроение. Дарси был рад, найдя в мистере Гардинере умного и милого собеседника. Эти родственники Лиззи были ему очень симпатичны. Ранний обед, к которому успела присоединиться и Джорджиана после прогулки верхом, был превосходен, и мистер и миссис Гардинер, очень довольные, уехали домой, увозя полное ведерко прекрасной рыбы, уступив настоятельным уговорам мистера Дарси взять ее с собой.

После женитьбы Дарси редко ездил в свою лондонскую контору, где работали служащие, помогающие ему управлять землями и хозяйствами. Его желание быть все время рядом с Лиззи перевешивало все соображения делового характера. Он говорил себе, что непременно на следующей неделе вернется к своим обычным делам, но шла неделя за неделей, а он все был не готов уехать из Пемберли даже на несколько часов, ограничиваясь письменными распоряжениями своим служащим. Но однажды Дарси получил письмо, в котором сообщалось, что женщина с ребенком, которая по распоряжению хозяина жила на одной из его ферм, уехала, домик свободен, но оплата его аренды продолжается, и управляющий не знает, как поступать с этими деньгами. Дарси пришлось поехать с письмом к графу Брэксли.

Гостиная, куда его провел лакей, была пуста, но очень скоро к нему вышли граф и графиня. На лице графа были заметны смущение и тревога, графиня же была непривычно холодна и чопорна. Дарси не придал этому никакого значения. Он осведомился об их здоровьи, о том, удачно ли они провели лето, спросил о Дэниеле и о последних новостях. Графиня отвечала скупо, а граф и вовсе молчал. В беседе наступила пауза, но Дарси нужно было поговорить с графом, он искал такой возможности и потому не уезжал. Графиня спросила, как давно Дарси возвратился в Лондон.

– Я не живу в городе, мадам. Я – у себя в Пемберли, а здесь бываю только по каким-нибудь делам.

– Мисс Дарси тоже в Пемберли?

– Да, мэм, и очень рада этому после долгого пребывания в школе.

– Очень жаль, что Вы лишили ее приличного общества, возможности встречаться с молодыми людьми своего круга.

– Почему же лишил? У меня много друзей.

– Было много друзей, дорогой Дарси. Было. Я получила письмо от леди Кэтрин и знаю о Вашей странной женитьбе. Вряд ли многие сочтут для себя приличным бывать теперь в Вашем доме. Это и нас лишает возможности принимать вас…

Дарси побледнел и встал.

– Думаю, что и я, графиня, не буду иметь удовольствие видеть вас среди моих гостей в Пемберли.

– Будут ли у вас гости, мистер Дарси? – с насмешкой воскликнула графиня.

– О, в этом, мадам, не сомневайтесь! Отсутствие Вашей милости среди них, конечно, огорчительно, но вряд ли будет замечено! – И он быстро вышел из комнаты. Графиню возмутила такая дерзость, но она сдержалась. Граф поспешил за ним. Догнав Дарси у выхода на улицу, он выразил надежду на то, что со временем общество смирится с неизбежными веяниями времени, и сословные предубеждения не будут играть такой роли. Дарси, оставив его слова без внимания, протянул ему письмо и молча сел в свою карету. Он был оскорблен, но ничуть не жалел о разрыве с семьей Брэксли.

Дарси ехал домой, туда, где его ждала Лиззи – умная, добрая, с благородной душой и свободная от лицемерия, его любимая Лиззи. Сейчас он войдет в дом, она обнимет его и скажет: «Как хорошо, что ты уже вернулся! Я так ждала тебя!». О своем визите к графу он не скажет ей ни слова.

Танцевальные вечера в громадном зале для избранной публики бывали часто, и Лиззи приготовила для нового бала великолепное платье из серебристого шелка, отделанного серебряной вышивкой в виде крупной рыбьей чешуи. Джорджиана, увидев платье, пришла в восторг, а Дарси и миссис Рейнолдс, всегда очень строго судившие о туалетах, тоже оценили его очень высоко.

На балу, стоя рядом с окруженной поклонниками женой, Дарси заметил Дэниела Брэксли. Молодой человек видел, как к Дарси и его жене подошли французский экономист барон де Ренье вместе с русским князем, который недавно был в салоне его матери. Видел, как, поцеловав руку миссис Дарси, князь улыбался и долго о чем-то беседовал с супругами. Дэниел мучился: ему тоже очень хотелось подойти и познакомиться с той, ради которой его приятель навлек на себя гнев его родителей и некоторых вельмож. Но ему было страшно: вдруг кто-нибудь расскажет матери об этом «недостойном» поступке. Дарси не показал вида, что видит его, и отвернулся. «Интересно, рискнет ли? – подумал он. Дэниел не рискнул, проклиная в душе свою мать. Дома он рассказал, что многие из знакомых их круга подолгу беседовали с Дарси и миссис Дарси, упомянул о князе, отметил, что миссис Дарси очень хороша собой и прекрасно держится. Графиня досадовала, но не сдавалась – она не желала принимать в своем салоне женщину, принадлежащую к другому кругу, даже если она жена мистера Дарси. Это было недопустимо. Дэниелу было приказано больше не касаться этой темы. Пользуясь тем, что мать чувствует себя виноватой перед ним за потерю возможности бывать в Пемберли, Дэниел вытянул из нее приличную сумму, способную утешить его на некоторое время. Граф хранил молчание. У него были свои проблемы.

План для Лонгборна

Прошло несколько месяцев. Как-то утром Дарси и Джорджиана решили отправиться верхом на ферму. Лиззи тоже давно хотела побывать там. Дарси пошел звать жену, но она отказалась ехать.

– Тебе нездоровится? – встревожился Дарси.

– Нет, я в порядке. Вы отправляйтесь, а я пойду на мою любимую скамейку. Поговорим потом.

Вечером Дарси спросил у Лиззи, почему она отказалась от прогулки верхом. Охватив руками шею мужа, Лиззи прижалась к его щеке и сказала:

– Думаю, что мне это сейчас не полезно, дорогой. У нас будет ребенок и мне следует быть очень осторожной.

Дарси обнял жену. Ребенок! Их малыш! Мальчик, которого он будет учить всему, что знает и умеет сам, или девочка – маленькая Лиззи, нежная, ласковая, прекрасная!

– Ну, попроси у меня что-нибудь! Скажи, чего тебе хочется, дорогая моя! Я исполню любое твое ж9елание. Я слышал, женщины, ожидающие ребенка, всегда хотят чего-нибудь необычного. Придумай хоть что-нибудь! Ну же, Лиззи!

– У меня все есть, мне ничего не нужно. – Лиззи задумалась. – Правда, есть одно дело, о котором я хотела тебя просить. Только …ты скажешь мне, если это невозможно сделать?

– Не собираешься же ты просить звезду с неба? Этого, скажу честно, я не смогу.

– Нет, не звезду. Я хочу попросит тебя о вполне земном. – Лиззи замолчала в нерешительности. – Купи поместье моего отца.

– Как это? – такой просьбы он не ожидал. – А где же будет жить твоя семья? И зачем нам это поместье? – Дарси был очень удивлен.

– Ах, ты не понял! Если ты купишь имение, значит, хозяином Лонгборна будешь ты, а не отец. В этом все дело. Тогда родители и сестры будут жить спокойно.

– Но для чего все это? И где они будут жить? – Дарси недоумевал.

– Дело в том, что поместье – майоратное. Как только отец умрет, хозяином станет мистер Коллинз. Он – единственный мужчина- родственник моего отца. Он и явился-то к нам, чтобы напоминать, что в будущем станет хозяином. Эта мысль отравляет жизнь всем: мама рыдает от страха, что, случись с отцом несчастье, мистер Коллинз вышвырнет их всех на улицу (и это, разумеется, будет именно так); отец нервничает, а это не прибавляет ему здоровья. Жизнь моей семьи с приездом мистера Коллинза превратилась в кошмар. Если же хозяином станешь ты, мистер Коллинз больше не наследник – тебе он не родственник. Думаю, ты добъешься разрешения – ведь здесь же особый случай: ты член семьи, зять. Можно будет спокойно жить и больше не ожидать его визитов. Ты и представить себе не можешь, как унизительно видеть, что мистер Коллинз ходит по дому, проверяя, не треснула ли каминная доска, и хорошо ли мы обращаемся с мебелью!

– Я видел его на одном из приемов. Он извивался, как червяк. Отвратительно! Но родители? – Дарси посмотрел на Лиззи. – Где же они будут жить? Ведь они привыкли к Лонгборну, и у них нет, насколько я знаю, другого имения?

– Ах, дорогой, они будут жить там же. Ты дашь отцу обещание, что никогда не потревожишь их, не будешь вмешиваться в хозяйственные дела. Для них ничего, ровно ничего не изменится! Твоя покупка будет только в бумагах!

– Лиззи, это будет очень неприлично выглядеть.

– Вовсе нет. Я придумала, как это всем объяснить. Истинные побуждения будем знать только мы трое: ты, я и отец. Для всех остальных будет другое.

– Как это – другое?

– Все остальные будут знать, что ты обратился к моему отцу с просьбой продать тебе его имение потому, что ждешь ребенка и хочешь сделать подарок своей жене, которая обещает тебе сына (если не в этот раз, то непременно потом). Ты хочешь, чтобы в будущем это имение осталось в нашей семье. Чтобы когда-нибудь наш сын ходил по дому и знал, что здесь жили его бабушка и дедушка, его тети, что здесь родилась и провела юность его мама. Ради этого ты предлагаешь мистеру Беннету двойную стоимость имения и обещаешь полное невмешательство. Папа верит тебе и мне. Как может быть иначе?! Предлагаемая сумма даст ему возможность увеличить приданое дочерей. И он соглашается. Вы оформляете сделку. Это все для других. Ну, а для нас… Семья обретает покой. А ты… – Лиззи засмеялась – ты делаешься владельцем еще одного имения, не потратив на него ни одного фунта стерлингов.

– Как так? Ты же сама сказала о двойной цене?

– Ах, дорогой! Ты не должен платить отцу никаких денег, а отец не должен брать ни одного пенни. Иначе он будет себя чувствовать действительно продавшим… Это ведь только для оформления сделки и для объяснения того, почему отец согласился. Кто же откажется от такого предложения?

– Пожалуй, ты права – сказал Дарси, поразмыслив.

– Самое главное – полная тайна. Полная, до того момента, когда мы сочтем возможным нарушить ее.

– Но вряд ли миссис Беннет ничего не скажет миссис Филипс.

– Мама ничего не должна знать. Никто. Совсем-совсем никто. Иначе тут же узнает мистер Коллинз, бросится к своей покровительнице, а леди Кэтрин на тебя очень зла и может сделать что-то неприятное тебе. Что скажешь?

Дарси внимательно смотрел на жену. «Как странно, до этого должен был додуматься мистер Беннет, но он молчит. Или…?»

– Лиззи, скажи честно, ты сама это придумала?

– Конечно. Кто же мог мне это подсказать? Подумай, кто?

И верно: с отцом она не виделась со дня свадьбы. Да и вряд ли это могло придти ему в голову…

– Лиззи, любимая, если в твоей головке возникают такие планы, тебе место в Парламенте!…

– Хорошо, дорогой. – Лиззи послушно кивнула. – Завтра утром, сразу после завтрака я отправлюсь в Лондон, в Парламент. А пока мне очень хочется побыть здесь, – и она уютно устроилась на плече Дарси.

– Но как быть с мистером Беннетом? Согласится ли он?

– Я напишу ему письмо, чтобы он приехал. Я уже придумала его содержание:

«Милый папа, не можете ли Вы приехать к
нам в Пемберли? У моего мужа есть к Вам
дело, но ему нельзя отлучиться, так как он
ждет приезда одного джентльмена.
Предупредите маму, Китти и Мэри, что
переночуете у нас и возвратитесь на
следующее утро, чтобы они не волновались.
Я надеюсь скоро увидеться и с ними.
Сейчас же мы очень заняты. У нас все
хорошо, мы здоровы. Целую, Ваша Лиззи.»

Надеюсь, будет понятно, что ехать сюда должен только отец. Один. Когда он приедет, мы все расскажем ему.

– Почему ты не хочешь, чтобы с ним приехала Китти? Она милая девушка.

– При Китти мы не сможем поговорить с папой. Да и потом Китти очень понадобится тогда, когда мы найдем возможность открыть секрет. – Дарси внимательно посмотрел на жену.

– Как ты это представляешь себе? И причем здесь Китти?

– Как-нибудь мы устроим обед, на который приедут Бингли. Пригласим папу с Китти.

– А как же миссис Беннет и Мэри? Они обидятся.

– Дня за три-четыре до этого я пошлю приглашение маме и Мэри. Учитывая мамины болезни и прочее, сделаю так, чтобы они приехали часам к 12-ти, а уехали часов в пять-шесть вечера. Может случиться, что ты будешь в это время где-то по делами, доберешься до дома только к часам четырем. Так как мама и Мэри только что были у нас, то через несколько дней уже приедут только папа и Китти – они-то ведь не были!… За столом я поблагодарю тебя за прекрасный подарок. Разумеется, кто-нибудь спросит: «какой?». Тут мы и расскажем о покупке Лонгборна и причине, по которой ты захотел купить, а папа согласился продать. Этого достаточно. На следующий же день Китти расскажет об этом маме и, что самое главное – Марии Лукас. Весть тут же дойдет до Шарлотт. Мистер Коллинз схватится за голову, но… будет уже поздно. Мне очень жаль Шарлотт, но спокойствие семьи мне, скажу тебе честно, дороже. Я – плохая подруга, но в данном случае у меня нет даже раскаяния. Мистер Коллинз больше никогда, понимаешь, НИКОГДА не приедет в Лонгборн! Ну, что ты скажешь о моей затее?

– Скажу, что я женился на необыкновенной женщине: она не только красива, но и очень умна, что бывает крайне редко: один случай на сто тысяч женщин.

– Хорошо же ты о нас думаешь!.. Не шути! Я ведь серьезно!

– А если серьезно, то пиши письмо. Я готов стать владельцем еще… – сколько там акров земли?…

– Не знаю точно. Спросим у отца.

– …владельцем еще одного поместья. Отличная сделка! Всем хорошо. Вот только мистера Коллинза жалко! Он будет извиваться от горя!

– А я не такая добрая. Мне не жалко. Ничуть. Противнее человека я не видела. Ты знаешь, что он делал мне предложение?

– Не может быть?! Ты – серьезно?

– Совершенно серьезно, дорогой. Он долго не мог понять, почему я ему решительно отказала. Был очень оскорблен и тут же, в этот же день, понимаешь, в этот же день сделал предложение Шарлотт Лукас.

Дарси так хохотал, что Лиззи даже забеспокоилась: он долго не мог успокоиться, повторяя «Ах, мистер Коллинз! Ах, мистер Коллинз!».

Утром, еще до завтрака, Лиззи зашла на конюшню и протянула Крису конверт:

– Думаю, Крис, Вам доставит удовольствие немного прогуляться верхом. Это письмо необходимо отправить сегодня же.

– Конечно, мэм. Я поеду сейчас.

За завтраком Лиззи взглянула на Джорджиану и сказала:

– Джо, я хочу представить себе, какой ты будешь в роли тети? Тебе придется готовить себя к этому.

Джорджиана удивленно взглянула на нее, не поняв, о чем это она.

– Да, дорогая, тебе предстоит выбрать имя для будущего племянника или племянницы. – Джорджиана наконец поняла и радостно обняла Лиззи. Дарси предложил несколько имен, но Джорджиана их отвергла.

– А что, если мы поступим так: если у нас родится мальчик, назовем его Джон – по имени моего отца, а если девочка, то – Эмили, по имени твоей, вашей мамы?

– Прекрасно! – воскликнул Дарси, – это замечательное решение! И выдумывать ничего не нужно.

Не прошло и трех дней, как коляска мистера Беннета подкатила к крыльцу в Пемберли. Лиззи и Дарси проводили его в отведенную для него комнату. Мистер Беннет был в Пемберли впервые. Роскошный парк, дом, для которого, по мнению мистера Беннета, больше подошло бы слово «дворец», его великолепное убранство, – всё, всё произвело на мистера Беннета сильное впечатление, но он был человеком сдержанным, воспитанным. Однако его сердце было наполнено радостью и гордостью за свою любимую Лиззи – ее муж был достоин ее. Себя же мистер Беннет корил за былое неумение оценить достоинства мистера Дарси. После обеда мистер Дарси, мистер Беннет и миссис Дарси расположились в малой гостиной, и мистер Дарси спросил у мистера Беннета, во что тот оценивает свое имение. Мистер Беннет очень удивился такому вопросу, задумался и назвал сумму.

– Думаю, не меньше. К чему этот вопрос, однако?

– Я прошу Вас, сэр, продать мне Ваше имение за двойную цену.

Мистер Беннет взглянул на Дарси с таким изумлением, был так потрясен этими словами, что Лиззи поспешила вмешаться.

– Ах, папа, сейчас я Вам все расскажу. – И она подробно объяснила отцу, что сделка будет только на бумаге, только в документах, что никаких изменений в жизни семьи не будет, как и не будет никаких денег. Мистер Беннет никак не мог понять, для чего вся эта затея.

– Для того, мистер Беннет, чтобы мистер Коллинз никогда больше не переступил порог Вашего дома, потеряв право наследовать его.

Мистер Беннет долго молчал. Потом сказал:

– Я потрясен! Как я раньше не додумался до такого?! Ведь можно было обратиться к кому-нибудь из моих старых друзей. Но это не приходило мне в голову…

– Нет, папа. Это было бы неприлично: как можно было бы объяснить такое странное желание.? Да и кто, кроме моего мужа, предложил бы Вам двойную цену? И как бы Вы объяснили свое согласие на продажу? Это естественно только в том случае, если речь идет о моем родовом гнезде, о том, что хозяйкой становлюсь я, и о моем желании оставить поместье моему сыну.

– Но у тебя, дорогая, нет сына! – резонно заметил мистер Беннет.

– Скоро будет. В апреле.

Мистер Беннет внимательно посмотрел на дочь, потом на мистера Дарси.

– Это правда? Это не шутка?

– Нет, сэр. Мы ждем ребенка. Если в этот раз будет девочка, то уж в следующий – непременно сын. Лиззи обещает, а она, как Вы знаете, никогда не обманывает.

– Я рад. Очень рад. Поздравляю. Очень, очень рад. Надеюсь, что эту новость я могу рассказать дома?

– О нет, папа! Нет! Пожалуйста! Немного потерпите! Мы расскажем об этом всем во время обеда, где кроме Вас и Китти будет Джейн с мужем. Прошу Вас, пока не надо!

Мистер Беннет обещал, и ему можно было верить. Вечер прошел в тщательной подготовке к задуманному. Договорились, что мистер Беннет и мистер Дарси встретятся в четверг в Лондоне в конторе «Гейбл и братья» в 12 часов дня.

– Я хорошо знаю эту контору, сэр, и буду там в назначенное время со всеми бумагами. Мы скажем, что Вы уже заплатили мне означенную сумму, а я уже положил ее в банк под хорошие проценты.

На следующее утро, после завтрака мистер Беннет уехал к себе в Лонгборн, а через три дня в Лондоне сделка была оформлена по всем правилам. Лиззи предупредила отца, что через несколько дней она пришлет приглашение побывать у нее в гостях маме и Мэри, и чтобы он не отпускал с ними Китти. Следующее приглашение будет «деловое», но Китти он возьмет с собой. Заговорщики, довольные друг другом, расстались.

Через неделю в Пемберли приехали миссис Беннет и Мэри. Это было их первое посещение, так как после свадьбы своих двух дочерей у них довольно долго гостили мистер и миссис Гардинеры, а потом миссис Беннет долго не могла справиться со своими нервами и никуда не выходила.

Мистера Дарси не было дома. Лиззи сказала, что он непременно скоро вернется, но мать и сестра нисколько не огорчились его отсутствием – обе побаивались этого важного господина. Джорджиана вместе с Лиззи встретила гостей, была приветлива и любезна, но вскоре исчезла, сославшись на какие-то дела, чтобы оставить родственников наедине.

Лиззи водила своих гостей по дому и, как она и ожидала, слышала восторженные восклицания миссис Беннет.

– Лиззи, дорогая, это же дворец, королевский дворец! Недерфилд, где теперь живет Джейн, кажется мне сейчас просто поместьем средней руки. Ах, дорогая, сколько вкуса, какое великолепие! Я просто не нахожу слов! У тебя замечательный муж! Такой авантажный мужчина! Я всегда, всегда говорила, что мистер Дарси – прекрасный человек, знающий толк в светской жизни!…А этот портрет! Сразу видно благородство его натуры! Я знала, знала, что он очень хороший человек и что ты будешь с ним счастлива!

Миссис Беннет совершенно забыла, как говорила дочерям что «терпеть не может этого надменного джентльмена и вынуждена его принимать только потому, что он друг мистера Бингли, а мистер Бингли… ах, мистер Бингли…».

Мэри была сдержаннее матери, хотя и на нее дом произвел большое впечатление. Она присела за фортепиано и не могла не оценить высокое качество инструмента. Обед тоже вызвал бурный восторг миссис Беннет. В этом она хорошо разбиралась, – стол в ее доме всегда был отменный.

К вечеру, когда они уже собирались уезжать, приехал Дарси. Был внимателен, любезен и выразил огорчение, что не смог освободиться раньше. Дамы уехали.

Лиззи сидела в комнате Джорджианы и, скрывая мучительный стыд, рассказывала ей о матери. О том, как она заботилась о детях, муже, как была добра со слугами, как хлопотала по дому, стремясь, чтобы всем было хорошо, но пренебрегала хорошими манерами и не утруждала себя сдержанностью в высказываниях. Винить ее в этом было трудно, так как в молодости перед ней не было примеров, достойных подражания, и не было никого, кто дал бы ей приличное воспитание. Однако ее доброта и заботы о семье заслуживали того, чтобы можно было простить ей отсутствие хороших манер. Так говорила Лиззи. Джорджиана, со свойственной ей деликатностью, понимая неловкость, которую испытывала Лиззи, отмечала, что хорошее воспитание и отличные манеры куда менее важны, чем душевные качества человека. Особенно не любила Джорджиана неискренность в отношениях с близкими людьми и высокомерие. Она даже рискнула намекнуть на то, что именно этими качествами обладает одна известная им особа, которая была бы намного привлекательнее, если бы не эти ее свойства. Лиззи сразу поняла, что речь идет о Кэролайн Бингли.

– Ты не хотела, чтобы твой брат женился на мисс Бингли?

– О нет, нет! Я ужасно этого боялась! Я молила Бога, чтобы он ею не увлекся. Это было бы ужасно! Мне стало спокойнее, когда он рассказал мне о тебе. Я поняла, что опасность миновала. Мисс Бингли могла стараться сколько ей угодно. Мой брат никогда не поддается никакому влиянию. В отличие от мистера Бингли. Я так счастлива, что ты согласилась стать его женой, Лиззи!

– Ах, Джо! Я не «согласилась», как ты говоришь! Я счастлива, что он снова сделал мне предложение. Я люблю его так сильно, что, кажется, умру, если его не будет рядом.

Джорджиана удивленно взглянула на нее.

– Ты сказала «снова»?

Лиззи смутилась. Ей не хотелось вспоминать старое.

– Да. Снова. Когда-нибудь я расскажу тебе эту грустную историю. Но не сейчас, дорогая. -Джорджиана обняла Лиззи. Выбор брата сделал ее счастливой. Она обрела сестру, которую хотела и могла любить.

Прошло немного времени, и Лиззи послала отцу письмо с просьбой приехать «по делу». Как и договорились, мистер Беннет взял с собой Китти. В Пемберли они встретили Джейн, мистера и мисс Бингли, которые тоже приехали навестить родственников. За обеденным столом Дарси сказал собравшимся, что Лиззи собирается сделать ему подарок – у них будет ребенок. Со всех сторон посыпались поздравления и длинный список мужских и женских имен. Но Дарси заявил, что имена уже приготовлены: Джон – как зовут мистера Беннета, или Эмили – по имени покойной миссис Дарси. Мистер Беннет был тронут. Такая форма уважения к родителям нашла всеобщее одобрение, и предложение других имен прекратилось само собой. И тут Лиззи сказала, что и муж тоже приготовил ей великолепный подарок. Не успела она произнести слово «подарок», как Китти не утерпела и тут же поинтересовалась, нельзя ли посмотреть его. Дарси привел всех собравшихся в изумление, рассказав, какой именно подарок он сделал жене. Эффект был полным. Все шло так, как было задумано.

– Мистер Беннет, что Вы будете делать с такой непривычной кучей денег, сэр? – с насмешкой спросила мисс Бингли, намекая на то, что такой суммы у него никогда не могло быть. Лиззи поняла ее намек. В ее сердце шевельнулось что-то очень недоброе по отношению к этой барышне, но спокойный ответ отца притупил это чувство.

– Я уже сделал, мисс: я положил их в банк под хорошие проценты, которые увеличат приданое моих дочерей к тому моменту, когда они соберутся замуж. Надеюсь, что это будет не так скоро. Думаю, что приданое Китти будет не таким уж маленьким.

– В добавление к ее хорошенькому личику, – сказал мистер Бингли, очень расположенный к младшей сестре своей жены. Китти, взглянув на него, благодарно улыбнулась.

Гости уехали не очень поздно. Им было по пути. Китти села в карету мистера Бингли, чтобы вдоволь поболтать с сестрой, а мистер Бингли ехал в карете мистера Беннета.

На следующий день Китти сообщила своей подруге Марии Лукас все, что знала, тогда как мистер Беннет не спешил рассказать жене о том, что за дело было у него с мистером Дарси. Не прошло и дня, как леди Лукас навестила миссис Беннет. Осторожно выпытывая у своей соседки последние новости, она убедилась, что никаких перемен в их жизни не предвидится. Миссис Беннет с восторгом рассказывала о «королевском дворце» в Пемберли, о роскоши, в которой живет ее любимая дочь, и о том, какой замечательный человек любезнейший мистер Дарси. Леди Лукас вернулась домой в полном недоумении. На следующий день под каким-то пустяковым предлогом мистера Беннета навестил сэр Лукас и спросил, между прочим, правда ли, что мистер Беннет продал свое имение мистеру Дарси. Получив утвердительный ответ и очень обстоятельные объяснения о том, что он получил от мистера Дарси полные гарантии невмешательства, а так же очень-очень большую сумму денег, сэр Лукас признал поступок мистера Беннета разумным и даже очень выгодным. Своего огорчения сэр Лукас не выдал – это было бы недостойно его положения. Сомнений в том, что скоро эта весть дойдет до мистера Коллинза, не было.

Мистер Беннет, как всегда, сидел с книгой в своем кабинете, когда к нему стремительно вошла встревоженная супруга.

– Дорогой мой мистер Беннет! Что я услышала! Китти сказала, что Вы продали Лонгборн мистеру Дарси! Может ли такое быть?!

– Китти права. – Миссис Беннет, услышав это, всплеснула руками и упала в кресло. – Вы напрасно волнуетесь, моя дорогая. Я получил очень много денег, и при этом мы как жили, так и будем жить здесь. Для нас, как Вы видите, дорогая моя, ровно ничего не изменилось. У Вас нет никакой причины волноваться. Но когда я умру, мистер Дарси позаботится о том,

чтобы хозяйство давало такой же доход, как сейчас. И Вы, Китти и Мэри не будете испытывать никаких неудобств.

– О. дорогой мой мистер Беннет! – вскричала миссис Беннет, – когда Вы умрете, мистер Дарси и доехать сюда не успеет, как этот ужасный мистер Коллинз выгонит нас отсюда.

– Но он же не сможет этого сделать!

– Почему же не сможет? Вы же прекрасно знаете, что он Ваш наследник. Кто ему помешает?! Я уверена, что он уже готовится выгнать нас…

– Мистер Коллинз – мой родственник, а потому и наследник, но он не родственник мистера Дарси. Мистеру Коллинзу здесь больше нечего делать. Теперь он больше не может рассчитывать получить наше имение. Никогда.

– Вы уверены? Вы совершенно уверены? – с тревогой и недоверием спрашивала миссис Беннет.

– Разумеется. Ведь он не может быть наследником мистера Дарси.

Миссис Беннет пришла в полный восторг от решения мужа. Но какие-то сомнения все еще были в ее душе: «как это он перестал быть наследником? Раз он племянник, значит…»

– Ах, дорогой мой мистер Беннет! А вдруг?!

– Уверяю Вас, что он больше сюда не явится. Когда-нибудь в этом доме будет жить сын нашей Лиззи…

– Да? Это замечательно! Я очень хотела бы его видеть.

– Ах, дорогая, он будет жить здесь тогда, когда нас с Вами уже не будет на свете!

– Однако это очень обидно – не познакомиться с собственным внуком! Надеюсь, что он навестит нас!

– Я тоже надеюсь, что с внуком мы успеем познакомиться, так как Лиззи обещает его нам этой весной. Неужели Китти не сообщила Вам, что Вы скоро станете бабушкой?!

– Я? Бабушкой?! Ах, что Вы такое говорите, мой дорогой? Я вовсе не так стара! Все говорят, что я отлично выгляжу! – Миссис Беннет подошла к зеркалу и, вполне удовлетворенная увиденным, вернулась в кресло.

– Но бабушкой можно быть и не старой. Неужели Китти не сказала Вам, что Лиззи ждет ребенка? Не может быть!…

– О, какая замечательная новость! Я всегда говорила, я знала, знала, что все так будет! – и миссис Беннет поспешила поделиться новостью с Мэри и старой служанкой Хилл.

Заботливая жена

В среду ждали генерала Коутса – старого знакомого Дарси.

– Он молод, красив, богат и холост. Следовательно, он совершенство, а не жених. Жаль только, что невесты, с которыми он знакомится, ему обычно не нравятся – добавил Дарси.

У генерала к Дарси было какое-то дело и предполагалось, что после переговоров он быстро откланяется. Его встретила Лиззи, была очень любезна, поговорила с ним о театре, новых книгах, об устройстве парка, потом проводила в кабинет Дарси, которого задержала необходимость переодеться, так как он случайно опрокинул на себя стакан молока. Дарси пришел, и Лиззи вышла из кабинета. Джорджианы дома не было.

Генерал действительно был хорош собой, сероглаз, с правильными чертами лица и волевым подбородком, как и подобает военному человеку. Его красивый мундир и прекрасные манеры не могли не привлекать женщин. Однако ему было уже 30 лет, а невесты все еще не было.

Через час мужчины спустились. На предложение выпить перед отъездом чай генерал с удовольствием согласился. Говорили о цветах, которые очень любила его покойная матушка. Лиззи сказала, что ее любимые цветы ландыши, левкои и чайные розы. Дарси любил васильки.

Генерал уехал. Лиззи взяла книгу и собралась пойти в свою комнату, когда Дарси попросил ее:

– Лиззи, не уходи! Если ты собираешься читать, доставь мне удовольствие, дорогая, заберись на мой диван в кабинете. Он такой удобный!

– Хорошо, дорогой!

Она знала, как муж любил заниматься делами, видя, что она здесь же, в его кабинете, рядом. Устроившись в подушках дивана, она замерла, как мышка. Кончив свое дело, Дарси подошел и прилег рядом. Он был во фланелевой куртке поверх рубашки. Лиззи тут же пристроилась на его груди, раздвинув полы куртки, а заодно и рубашки, и прижалась щекой к покрытой рыжеватыми волосками груди мужа. Дарси о чем-то думал, машинально наматывая на палец прядь темных волос жены. Было тихо.

– Знаешь, почему девушки так стремятся поскорее выйти замуж? – задумчиво спросила Лиззи.

– Конечно. Тратить на туалеты и все прочее деньги мужа гораздо удобнее, чем всякий раз просить у родителей!

– Вот все вы, мужчины, такие! Все у вас очень просто! Вовсе нет. Вовсе не поэтому.

– Ну, тогда потому, что девушки, начитавшись романов, имеют обыкновение влюбляться…

– Вот опять! Нет, совсем нет! Я скажу тебе, почему. Каждая женщина испытывает потребность в защите. Ей нужен человек, рядом с которым она как за каменной стеной, где ее никто не обидит. И единственное для нее такое место – на груди своего мужа. Он – ее защита, только он.

– Тогда почему обязательно муж? А отец разве не защита для дочери? А брат для сестры?

– Нет, дорогой! Отец – защита для всей семьи, как и брат. Оба они знают, что девушку им придется отдать другому мужчине. Она – не их собственность. Она всего лишь птенец из их гнезда. Поэтому мы и стремимся поскорее обосноваться в своем собственном гнездышке, вот тут – и Лиззи пощекотала грудь мужа. – Даже если ты меня не очень-то и любишь, или даже совсем не любишь, все равно ты меня всегда защитишь. Я ведь твоя собственность, а мужчина свою собственность никому и ни за что не отдаст! Я принадлежу тебе, да и стою не очень-то дешево.

– Ну, если ты моя собственность, да еще и дорогая, то я намерен поступить с тобой так, как мне угодно, и притом – немедленно! – Дарси усмехнулся и, крепко обняв Лиззи, лишил ее всякой возможности возразить.

В воскресенье в Пемберли появился посыльный с корзиной ландышей для миссис Дарси. Вспомнив разговор о них, Дарси понял, что это подарок от генерала, и сказал об этом жене…

– Очень мило с его стороны! Как ты думаешь? – воскликнула Лиззи.

– Ну, конечно! Генерал очень любезный человек.

Через неделю Лиззи получила корзинку левкоев. Дарси удивился, но ничего не сказал. В следующее воскресенье в Пемберли снова ждали приезда генерала. Корзины цветов, присылаемые жене, вызывали у Дарси тайное чувство досады.

Генерал приехал с громадным букетом чайных роз и сразу обезоружил хозяина.

– Не вздумайте сердиться, дорогой Дарси. У меня и в мыслях нет нанести какую-либо обиду Вам или миссис Дарси. Но согласитесь, сэр, что доставить удовольствие очаровательной женщине – в этом невозможно себе отказать! Посмотрите туда – и генерал показал в ту сторону, где Лиззи ставила розы в вазу, – прелестная дама и прекрасные цветы! Какая картина, сэр! Я убежден: мужчины созданы для того, чтобы доставлять удовольствие милым женщинам! И не подозревайте меня в чем-либо недостойном. Вы – счастливец, Дарси, а я все ищу, ищу ту, которая составит мое счастье, но увы… Так тоскливо приезжать в большой дом, лишенный женского тепла и уюта. Впрочем, Вам этого не понять. Пойдемте, займемся делом. И не хмурьтесь. Вот женюсь, и останутся милые дамы без моих цветов – жена не допустит! А пока имейте сострадание к холостяку.

– Да будет Вам, Генри! Кругом столько невест! А Вы такой завидный жених…

– Невест-то много. Но все больше охотницы за состоянием. А мне нужна жена, любящая меня, а не деньги…

Мужчины удалились в кабинет, а Лиззи в это время писала:

«Милая Джейн! Посылаю тебе письмо с
оказией не без умысла. У нас в гостях
приятель Дарси генерал Коутс. Богат,
красив, воспитан, холост. Жаждет
жениться. Я прошу его сделать
небольшое отклонение по пути в его
имение, которое где-то недалеко от вас,
чтобы завести это письмо тебе. Не
найдешь ли ты полезным пригласить
его на чашку чая и познакомить с К.
Хорошо бы уговорить ее отказаться от
своего высокого тюрбана и сделать
низкую прическу. Это очень привлекло
бы к ней не слишком высоких мужчин,
обладающих несомненными
достоинствами. Попробуй уговорить.

Письмо сожги немедленно. Целую. Твоя
Лиззи.»

Генерал охотно согласился завести письмо.

– Моя сестра очень красивая женщина. Сестра ее мужа, мисс Бингли – тоже. И они очень любят цветы, – сказала Лиззи, лукаво улыбаясь, а он засмеялся и заверил ее, что непременно выполнит поручение. Они попрощались, вполне довольные друг другом.

– Зачем ты послала его к Джейн?

– Чтобы переключить его внимание на Кэролайн. Кто знает, может быть, она ему понравиться? А уж он ей (с его состоянием!) наверняка. Он богат, с хорошими манерами, благородного происхождения. Чего ей еще? Она уже не так молода. Впрочем, если она не откажется от своего тюрбана с перьями, быть ей старой девой. Где взять жениха выше ее ростом? А смотреть на жену, закинув голову, вряд ли захочет какой-нибудь мужчина. Знаю – я поступила с ней ужасно, лишив ее твоего внимания, вот и стараюсь загладить свою вину.

– Ты права. Кэролайн прилагала столько усилий, чтобы добиться меня! Оправилась ли она уже от удара, который ты нанесла ей, – вот в чем вопрос!

– Однако, ты самонадеян…

– Не хитри, дорогая, ты ведь видела все ее уловки…

– Видела. И все —же!…

Как-то, гуляя по Лондону, Лиззи попросила Дарси зайти с ней в большой магазин мистера Стрейджа.

– Ты не будешь возражать, если я немного разорю тебя?

– Не буду. – Дарси улыбнулся. – Сколько угодно, дорогая.

– Даже «сколько угодно»?

– Покупай все, что тебе захочется. Я – выдержу.

Они подошли к прилавку и Лиззи попросила продавца показать ей серебряные карманные часы с нарядной крышкой и «музыкой». Дарси с удивлением взглянул на жену, но решил пока ни о чем не спрашивать. Лиззи выбрала большие часы с ясным циферблатом. Когда поднималась крышка, украшенная орнаментом и эмалью, звучали несколько тактов веселой мелодии. Часы висели на серебряной цепочке. Затем Лиззи стребовала теплый шерстяной плед скромной расцветки. Выбрав один из предложенных, она направилась к прилавку с тканями и указала на темно-коричневую шелковистую ткань с бледно-розовым рубчиком, сказав, что ей нужно количество, достаточное на платье для очень полной дамы. Все покупки были сложены в коробку, Дарси расплатился и снова кивнул на вопрос «К Вам домой, сэр?».

Дарси недоумевал. Он видел у мистера Гардинера карманные золотые часы очень хорошей работы. У мистера Беннета тоже были отличные часы. Те, что выбрала Лиззи, явно не предназначались для известных Дарси родственников или знакомых. Для кого же они? Дарить плед было как-то странно и не совсем прилично: это все-таки был предмет домашнего обихода. Темная ткань на платье вызывала еще большие вопросы: миссис Беннет, миссис Филипс и миссис Гардинер носили модные светлые платья и были вовсе не очень полными дамами.

Дома, после обеда Дарси спросил:

– Так для кого же ты сегодня делала покупки, Лиззи?

– Часы – для Джеймса Гриффина. У него через неделю день рождения.– Дарси удивленно взглянул на нее. – Как ты думаешь, они ему понравятся? Я знаю, у него нет карманных часов.

– Уверен, что очень понравятся. Но как ты догадалась?

– Он ходит смотреть время к миссис Джеффри, туда, где моют посуду.

– А плед? Ткань? Для кого они?

– Плед для нашего садовника Гловера, а ткань на платье для нашей кухарки миссис Мейдж. День рождения миссис Мейдж в самом начале следующего месяца, а у мистера Гловера – в самом конце, 27-го. Чтобы три раза не ездить, я купила все сразу.

– Но, Лиззи, откуда ты знаешь всё про них?

– Я говорила с миссис Рейнолдс, просила ее узнать. Ты же сам говорил, что нерадивых и нечестных слуг не держишь. Значит, все, кто у нас работает, заслуживают уважения и вни-

мания с нашей стороны. А один раз в году поздравить человека с его праздником – это же так приятно! Ведь так?

Дарси был смущен. Он сознался Лиззи, что никогда этого не делал, даже не думал об этом.

– Ты был холостяком, дорогой мой, а чего ждать от холостяка! Теперь же в доме есть хозяйка. И эта хозяйка намерена и впредь разорять своего мужа – засмеялась Лиззи.

Дарси всегда относился к слугам уважительно. Многих он знал с детства и они были неотъемлемой частью его жизни в Пемберли, но поздравлять кого-то из них с днем рождения даже не приходило ему в голову. А Лиззи, Лиззи поняла, что это правильно, хорошо. И как она замечательно выбрала подарки! Дарси смотрел на нее и думал, что ему еще долго придется изучать свою жену. Казалось, что он хорошо ее знает, но – нет, каждый раз он открывал в ней что-то новое И это новое ему очень нравилось. Вот и сейчас он не мог не признать, что затея Лиззи была хороша. И еще Дарси подумал о том, что миссис Рейнолдс жила в их доме с самого его раннего детства, а он и не знал дня ее рождения и никогда не поздравлял ее. Ему стало стыдно за себя: он все еще не умел, как Лиззи, думать о других, если это были не его самые близкие.

– Лиззи, а день рождения миссис Рейнолдс ты тоже знаешь?

– Конечно. Я уже придумала для нее подарок: красивая кружевная косынка на платье и нарядная брошь к этой косынке. Думаю, ей понравится. Но это еще не скоро, через три месяца.

Дарси обнял жену

– Ты – золото, а я еще пока – только серебро. Но я стараюсь.

В одно дождливое ноябрьское утро Дарси уехал в Лондон по неотложному делу. Лиззи уговаривала его не ехать: утром был густой туман, воздух пропитан влагой, было холодно. В парке голые ветви деревьев тянулись вверх и дрожали, словно умоляя небеса сжалиться над ними, но небеса не знали жалости, и дождь не унимался, а ветер бил по веткам и раскачивал стволы. Дарси и самому не хотелось покидать дом, но у него была назначена деловая встреча, которую нельзя было отменить.

В гостиной было уютно и тепло. Лиззи сидела в кресле у камина и вязала, а у ее ног лежал большой белый дог в черных пятнах, время от времени поднимая голову и поглядывая на хозяйку.

Дарси не раз удивлялся: дог не был злым, но не терпел фамильярности. Он обожал хозяина, и никого не признавал кроме него (даже Джорджиана не решалась его гладить). Однако Лиззи пес принял сразу и безоговорочно: его хозяин любил эту женщину, значит, и он должен ее любить. И он любил. Сначала, когда Лиззи протягивала руку, чтобы погладить собаку, Дарси напрягался, но видя, как пес лижет руку жены, успокаивался, с недоумением поглядывая на них обоих. Он недооценил глубину преданности своего пса.

Лиззи и дог ждала Дарси к 5-ти часам, но было уже 6, стало темнеть, а его все еще не было. Наконец на дороге показалась коляска. Лиззи быстро поднялась наверх, потом спустилась к дверям. Вошел Дарси, хмурый, промокший.

– Ах, если бы ты знала, как я продрог и устал. Да и голоден ужасно.

Лиззи взяла его за руку и потянула за собой к лестнице.

– Куда ты ведешь меня, Лиззи? Я мечтаю о горячей еде и кресле у камина!

– Идем, идем, дорогой! – буквально тащила она за собой слегка упирающегося Дарси. Они вошли в его кабинет.

– Мистер Линни, принимайте хозяина! – крикнула Лиззи в приоткрытую дверь туалетной комнаты. На Дарси дохнуло теплом. Камердинер помог ему быстро раздеться.

– Пожалуйте сюда, сэр. Вас ждет теплая ванна. Сейчас Вы согреетесь и отдохнете. Миссис Дарси уже позаботилась об ужине для Вас. Вот поднос у камина. Камердинер снял с ванны какую-то доску, точно повторяющую очертание ванны, в которую уже была налита горячая вода. Дарси с удовольствием погрузился в нее, а камердинер тут же покрыл ванну этой доской. Дарси пошевелил ее вправо и влево, но доска не сдвинулась с места – маленькие бортики по ее краям этого не допускали. Из ванны торчала только голова, но можно было при желании вынуть руки. Под доской было тепло, так как пар оставался там, и вода не остывала.

– Как это ты, Рой, догадался сделать такую штуку?

– Это не я, сэр, а миссис Дарси. Она заказала три таких доски: для Вас, для себя и для мисс Дарси, и приказала покрыть их лаком, чтобы древесина не размокала от пара. Мы всегда, сэр, недооцениваем женскую смекалку. А – зря. Вот Ваш ужин, сэр.

Камердинер положил на доску белую салфетку и поставил на нее поднос, на котором стояла тарелка с мясом, овощами, горкой паштета и поджаренным хлебом. Рядом лежали нож и вилка, и стояла кружка с элем.

– О, Боже! – только и смог воскликнуть Дарси. Он сидел в теплой ванне, доставал с тарелки кусочек за кусочком и чувствовал, как проходит усталость, по телу разливается приятное тепло и его охватывает полное блаженство. Перед камином согревалось развешанное чистое белье. Согретый и отдохнувший, Дарси оделся.

– Рой, где мои чулки?

– Вот, сэр. Миссис Дарси велела надеть эти. – И он подал хозяину темно-коричневые чулки, связанные из хлопка и козьего пуха. Дарси показалось, что он погружает ноги в теплое облако, нежное, мягкое.

В столовой его ждали Лиззи и Джорджиана. Дарси подошел к жене и поцеловал ее в присутствии сестры, чего никогда не делал.

– Лиззи, ты не только прекрасная жена. Ты – волшебница, фея, возродившая меня к жизни. Джо, ты в курсе того, как Лиззи перенесла меня из ада в рай?

Джорджиана улыбнулась:

– Тебе просто повезло, брат, с заботливой женой. Я тоже постараюсь быть такой, как Лиззи, когда выйду замуж, – добавила она и смутилась.

– Не смущайся, Джо, дорогая. Зачем тебе быть такой, как я? Ты будешь поступать так, как подскажет тебе сердце. Если, конечно, будешь любить своего мужа так, как я – добавила Лиззи. Дарси улыбался.

Джорджиана смотрела на брата и удивлялась переменам, которые происходили в нем на ее глазах. Он всегда был добр и внимателен, но редко улыбался, а его веселого смеха очень давно, пожалуй, уже несколько лет, ей не приходилось слышать. Она привыкла к его ровной, спокойной манере говорить. Он был сдержан в проявлении своих чувств. Сейчас же, после женитьбы, с появлением в доме живой и веселой Лиззи, Дарси улыбался, был очень ласков с сестрой и женой, легко отзывался на шутки, часто смеялся.

Но менялся не только Дарси. Джорджиана тоже не была прежней. Раньше она не могла принимать участия в общем разговоре из-за стеснительности. Общение с Лиззи, ее естественная и любезная манера разговаривать с гостями действовали на Джорджиану самым благотворным образом. Она уже смело при посторонних садилась за фортепиано, прекрасно исполняя даже самые сложные пьесы, иногда пела дуэтом с Лиззи и участвовала в общих беседах. Дарси наблюдал за ней с любопытством, радуясь этим изменениям.

Однажды после ужина в гостиной обсуждался небольшой прием, который хозяева собирались дать в Пемберли для друзей. Договорились на первую неделю декабря. Дарси всячески препятствовал выездам Лиззи за пределы имения. Он боялся тряски кареты, случайных паде-

ний и всего-всего, что могло навредить жене в ее теперешнем положении. Чувствовала она себя хорошо, к ней часто приезжал доктор Шепард. Она добросовестно следовала всем его советам, и он был доволен ею.

Доктор был занятным человеком: невысокий, полный, с ласковыми глазами и мягкими теплыми руками, он говорил тихим голосом, повторяя некоторые слова по два раза. Он рано овдовел, жил одиноко и, несмотря на свой преклонный возраст, много работал – у него была большая практика среди состоятельных людей. После смерти доктора Флосса он стал домашним врачом молодого мистера Дарси и его сестры. Впрочем, сам мистер Дарси отличался отменным здоровьем, но мисс Дарси часто простуживалась. Доктор относился к Лиззи с отеческой заботой. То, как она переносила беременность, радовало его, но ее большой живот вызывал у доктора некоторые подозрения, высказывать которые он пока воздерживался.

Дарси понимал, что молодой женщине с живым умом хочется общества, приятных собеседников, небольших развлечений. И он старался доставить Лиззи это удовольствие. Решили послать приглашение Чарльзу, Джейн и Кэролайн Бингли, генералу Коутсу, лорду Эдвину и миссис Олуэн. Гостей ждали к часу дня, – планировался обед, между пятью и шестью часами – чай и часов в восемь разъезд.

Первым приехал генерал, за ним миссис Олуэн. Это была молодая красивая вдова. Ее муж утонул при купаниях в Бате, оставив ее бездетной, с хорошим состоянием. Миссис Олуэн была дамой воспитанной, с хорошими манерами, подкупала приветливостью и веселым характером. Прекрасные туалеты подчеркивали ее стройную фигуру, а дорогие украшения вызывали зависть некоторых дам.

Генерал, застав в доме милую молодую особу, – сестру хозяина – которая, как он знал, ранее воспитывалась далеко от Пемберли, уделял ей особое внимание, чем немало смущал Джорджиану, еще не привыкшую к откровенным ухаживаниям. Приехавший вскоре лорд Эдвин тоже внимательно приглядывался к Джорджиане, пытаясь понять ее характер и интересы. Ему понравилась милая скромная девушка, а ее родство с Дарси усугубляло интерес обоих джентльменов к молоденькой мисс. Последними приехали Бингли. Генерал был непрочь укрепить знакомство, состоявшееся при выполнении им поручения миссис Дарси. Он оценил миловидность мисс Бингли, но она не уделяла ему особого внимания.

Обед был превосходным, слуги отлично знали свое дело, за оживленными разговорами время шло быстро. Мисс Кэролайн и Джорджиана играли, миссис Олуэн мило спела модный романс. Все были расположены друг к другу. Лиззи, в наброшенной поверх платья большой шелковой китайской шали, скрывающей изменения в ее фигуре, хорошо справлялась с ролью хозяйки.

Дарси сидел на диване рядом с Джейн. Они говорили о Лиззи, о том, как она стойко переносит свое состояние, когда миссис Олуэн, подойдя к мистеру Дарси, попросила его уделить ей несколько минут. Дама вышла в коридор и направилась в малую гостиную, где никого не было. Дарси шел за ней, недоумевая, о чем она хочет говорить с ним. Войдя в гостиную, Дарси не очень плотно прикрыл дверь и остановился около нее.

Миссис Олуэн заговорила. Она сказала Дарси, что давно питает к нему нежные чувства, что ее свободное положение, молодость и красота дают ей право рассчитывать на внимание мужчин, и выразила желание часто видеть мистера Дарси в своем доме в надежде на близкие отношения между ними. Она так и сказала: «близкие отношения».

– Я никому не обязана соблюдать верность. А Вашей жене вовсе не нужно знать о том, где Вы бываете в Лондоне. Тем более, что сейчас она в таком положении, когда женщине трудно ждать от мужа особой нежности.

Дарси побледнел от негодования, но сдержался. Он старался быть вежливым.

– Мадам, я вынужден прервать Вас. Я не отрицаю Вашей красоты и прочих

– прелестей, но должен заметить, что я женат и для меня существует только одна женщина, обожаемая и желанная. Это – моя жена. Все остальные дамы в определенном, интересующем Вас смысле, мне глубоко безразличны. Они для меня не существуют… Прошу меня извинить…

Он повернулся и вышел из комнаты. В коридоре, неподалеку от двери стояла Лиззи. Она плотно прижалась спиной к стене и была очень бледна. Дарси бросился к ней.

– Ты все слышала? Ты слышала и ее, и меня?

– Да. Всё, – сказала Лиззи, прижав руки к груди. Дарси обнял ее, прижался губами к ее лбу, и некоторое время они стояли молча, потрясенные произошедшим: воспитанная дама их круга предлагала себя для интимных отношений недавно женившемуся мужчине с безупречной репутацией! Это было неслыханно!

Дверь из гостиной открылась, из нее быстро вышла миссис Олуэн и направилась в музыкальную комнату к остальным гостям. В гостиной миссис Олуэн села рядом с мисс Бингли и завязала с ней какой-то разговор, к которому присоединилась и Джейн. Через некоторое время появилась Лиззи и подошла к Джорджиане, сидевшей у фортепиано. Дарси пришел несколько позже. Он был спокоен, приветлив с гостями, разговаривал с мистером Бингли и лордом Эдвином, когда дверь открылась, на пороге появился лакей и громко объявил, что карета миссис Олуэн подана. Миссис Олуэн вздрогнула, удивленно взглянула на лакея, но тут же взяла себя в руки и, мило улыбаясь, сделала общий поклон. На недоуменные вопросы о столь раннем отъезде, она пробормотала, что у нее неотложная встреча, и быстро вышла. Дарси и Лиззи, как того требует этикет, пошли проводить гостью до крыльца, держась от нее на некотором расстоянии и не вступая в разговор. Они молча стояли, ожидая, пока она оденется, подождали, пока лакей поможет ей сесть в карету, и вернулись к гостям. Никто не обратил особого внимания на внезапный отъезд миссис Олуэн. Вечер продолжался.

Джонни и Эми

Жизнь в доме шла по своим законам. Все чаще и чаще бывал в Пемберли доктор Шепард. Теперь он четко слышал два детских сердечка и сообщил об этом Лиззи и Дарси. Лиззи это испугало, а Дарси обрадовало – у него сразу будет двое детей, и жене не придется дважды подвергаться такому испытанию, как роды. Лиззи пугали сами роды. Она не была достаточно подготовлена к появлению ребенка, тем более – сразу двоих детей.

Дарси договорился с доктором, что тот со своей постоянной помощницей миссис Кларенс, немолодой и улыбчивой женщиной, переедут в Пемберли примерно за месяц до ожидаемого события. Для них были приготовлены комнаты, рядом с которыми оборудовали всем необходимым специальную комнату, которую назвали «родильной». Все было готово.

Лиззи последнее время было трудно. Живот был, и правда, большой и это ее очень утомляло, но плохо было другое – она страдала бессонницей. Часто, стараясь не разбудить мужа, она тихо вставала с постели, в темноте выходила в свою комнату и садилась то на диван, то в кресло. Боясь на что-либо наткнуться, она не пыталась зажечь свечу. Однажды Дарси проснулся и, не обнаружив рядом Лиззи, вскочил в тревоге. Он нашел ее в кресле, сидящей в темноте. С тех пор в ее комнате всегда оставалась на всю ночь горящая свеча, помещенная в большую глубокую вазу.

Была середина апреля. Дарси и Лиззи спали, как и все домочадцы. Внезапно Лиззи проснулась от боли в пояснице. Она тихо лежала, прислушиваясь к себе. Боль вскоре прошла. Лиззи успокоилась и скоро заснула. Повторившаяся боль снова разбудила ее. Она понимала неизбежность того, что ее ждало и ей было страшно. Неизвестность всегда пугает, и как себя не убеждала Лиззи, что через это проходят почти все женщины, страх не уходил. Боль усиливалась, возникала все чаще и чаще. Лиззи тихо лежала, страстно желая, чтобы скорее наступил рассвет. Ей казалось, что днем, когда никто не спит, когда рядом люди, ей будет легче.

Рассветало. Дарси крепко спал. Лиззи боролась с желанием разбудить его и нежеланием прерывать его сон. Она тихо сползла с постели и вышла в коридор. Дойдя до комнаты доктора, она постучала. Через мгновение к ней вышел доктор, и все сразу поняв, отвел ее в «родовую» комнату, уложил на постель и вернулся к себе, чтобы сменить халат на обычную одежду. Появилась миссис Кларенс. Она успокаивала Лиззи, объясняя ей все, что необходимо в таких случаях. Лиззи старалась сдерживать стоны, но боль все сильнее и сильнее разрывала ее тело.

Дарси проснулся от страшного крика, наполнявшего дом. Он схватил халат и бросился к «родовой» комнате. Дверь была заперта, но дикий, нечеловеческий крик прорывался сквозь толстые стены. Сердце Дарси разрывалось: это кричала его любимая терпеливая Лиззи. Дарси не мог найти себе места. Он спустился вниз, выпил стакан холодного молока, налил второй, не стал пить, метался из комнаты в комнату, снова пришел на кухню, снова пил молоко. Повар смотрел на него с сочувствием.

– Не беспокойтесь так, сэр. Все будет хорошо. Женщинам всегда приходится трудно. Так уж устроено природой. Ничего не поделаешь.

– Да, да, Вы правы. Все так, но… – и он быстрыми, стремительными шагами снова направился туда, наверх, откуда несся несмолкаемый крик. Дарси не мог этого вынести. Он видел: к двери подбегали молоденькие горничные, слушали, как кричит хозяйка, и в ужасе убегали. Подходила миссис Рейнолдс, стояла молча с застывшим лицом, потом медленно уходила прочь. Джорджиана заперлась у себя в комнате, боясь показать страх. Весь дом не спал. Все ждали.

Дарси ушел в спальню. Он лег на кровать и зарылся головой в подушки. Но и там крики его Лиззи, его дорогой, обожаемой Лиззи, терзали его сердце. Если бы он знал, что ей будет так трудно, так больно! Ему хотелось иметь детей, но не такой ужасной ценой! Он не может помочь

ей, а ведь он обещал «…в болезнях и горестях…» Он здесь на прекрасной постели, а она там… И Дарси плакал. Первый раз в жизни он, крепкий и сильный мужчина, плакал от жалости, от невозможности что-то сделать и от горячей любви к женщине, которая так кричала. Он не знал, сколько часов это продолжалось. За окном был день. Внезапно крик прекратился, но Дарси это заметил не сразу. Когда он понял, что кругом тишина, ему вдруг стало страшно: Что это? Почему так тихо? Вдруг ужасная мысль пронзила его мозг: Лиззи нет, она умерла, и эта тишина… Дарси бросился в коридор. За дверью «родовой» тоже была тишина. Дарси заколотил в дверь кулаками: «Лиззи, Лиззи!». Он бил и бил в дверь, не замечая, как кругом собрались слуги в тревожном ожидании. Вдруг из-за двери он услышал голос доктора.

– Мистер Дарси, перестаньте стучать, стучать, сэр! У нас все хорошо. Наберитесь терпения, сэр! Еще полчаса, полчаса и мы Вас пустим.

«У нас все хорошо, у нас все хорошо» – твердил про себя Дарси. Он хотел верить, но боялся. А вдруг доктор обманывает, успокаивает? Он должен сам увидеть Лиззи. Непременно сам. Только сам.

Эти полчаса показались ему длиннее всей жизни. Наконец дверь открылась, и он увидел, как миссис Кларенс берет на руки два свертка разного цвета и направляется к нему.

– Потом, потом! – закричал Дарси, замахав на нее руками, и бросился к Лиззи.

Она лежала, закрыв глаза. Рука свисала с кровати. Дарси схватил ее голову с разметавшимися волосами в обе руки и принялся целовать лоб, щеки, глаза, бормоча «Лиззи! Лиззи!»

Лиззи приоткрыла глаза, слабо улыбнулась и тихо сказала:

– Я так хочу спать, что даже не могу говорить…

– Спи, спи, дорогая, уже все позади… спи, любимая…98

Доктор терпеливо ждал, когда этот молодой отец захочет узнать, кто же родился у него. Наконец Дарси взглянул в ту сторону, где стояла миссис Кларенс и держала на руках новорожденных. Она много видела таких мужчин, обезумевших от криков своих жен. Сейчас он успокоится и вспомнит о детях. Дарси вспомнил. Увидев розовый и голубой свертки, он радостно выдохнул накопившееся волнение…

– Да, да, мистер Дарси. Сын и дочка! Вот так! Поздравляю Вас! Бывает же такое везение! Детки здоровые, все в порядке. А крики? Это что же! Не кричать невозможно. Уверяю Вас, невозможно. Редко, кто не кричит. Что уж поделаешь…

Дарси увидел два маленьких сморщенных личика. В розовом конверте – светленькое, в голубом – красноватое. Он изумленно смотрел на своих таких некрасивых детей. Как же так?!

Миссис Кларенс и это знала. Ну да, отцы думают, что детки и в момент появления на свет должны быть круглощекими, голубоглазыми, с локонами на головках и ротиками, полными маленьких зубов. Ох, уж эти мужчины!

– Что? Некрасивы? Ничего. Через месяц Вы их не узнаете. А еще через пару месяцев глаз не оторвете, будете часами смотреть, любоваться.

Дарси благодарно взглянул на добрую женщину и вернулся к жене. Лиззи спала.

Очевидно, почувствовав, что он смотрит на нее, она открыла глаза и тихо сказала:

– Дочка и сын. Я же обещала… – и улыбнулась.

– Дорогая моя, любимая… – Дарси целовал ее руку, гладил волосы. Он не знал, как выразить те чувства, которые переполняли его. Подошел доктор.

– Распорядитесь, сэр, чтобы миссис Дарси принесли чай и кусочек мяса. Ей теперь долго придется восстанавливать силы, силы. Двое здоровых малышей – это не шутка, не шутка, а она была молодцом.

– Да, да, конечно, доктор, – и Дарси бросился вниз к повару. Слуги поздравляли его с сыном и дочкой, Дарси благодарил, но мало что слышал. Он знал одно: Лиззи нужен чай и еда.

Прошло уже две недели, а Лиззи все еще была слишком слаба, чтобы спускаться в столовую. Дарси приказал накрывать стол в ее комнате. В детской, приспособленной для двойняшек, мирно посапывали Джонни и Эми. Кормили детей сама Лиззи (она непременно так хотела) и кормилица – молодая, цветущая женщина, ребенок которой задохнулся при родах. Няня была опытная, все складывалось как нельзя лучше. Однако на душе у Дарси не было покоя – сил у Лиззи все не прибавлялось и она была очень бледна.

Однажды днем Дарси и Джорджиана сидели в комнате Лиззи, которая лежала на диване, прикрытая легким пледом, когда внизу послышался какой-то шум. Прошло несколько минут, как в комнату вошла горничная и доложила:

– К вам мистер Блэдфорд. – Из-за ее спины показалась высокая фигура молодого человека. Дарси вскочил.

– Стив! Ты?! Неужели?! Наконец-то!

Гость быстро вошел и вежливо поклонился. Это был очень высокий худощавый молодой человек необыкновенно приятной наружности. У него были добрые синие глаза, весело смотревшие на обнимавшего его Дарси из-под длинных темных ресниц, и удивительно ласковая улыбка. Манеры вошедшего юноши говорили о хорошем воспитании, а выражение лица – об образованности и отменном уме. Одет он был по моде, отличавшей Францию от остального, отставшего от нее мира. Мистер Блэдфорд был явно человеком состоятельным, на что указывали некоторые детали его туалета, стоившие немалых денег. После первых выражений радости Дарси подвел его к жене.

– Вот, знакомься: миссис Дарси. Посмей только сказать, что моя жена не красавица и я убью тебя на месте, – весело сказал он.

– Не скажу и останусь жив. Очень рад, мадам! Надеюсь, что удостоюсь Вашей дружбы! – Он взглянул на Джорджиану. – А это что за дама? В ее чертах есть что-то знакомое, но это не может быть та, о которой я подумал. Не представишь ли ты меня и этой молодой особе?

– Ах, Стив, что за церемонии! Уж не хочешь же ты сказать, что не узнал Джорджиану? – воскликнул Дарси.

– Джорджиану?! А она здесь? Позовите ее, пожалуйста!

Дарси улыбнулся. Джорджиана присела и сказала:

– Здравствуйте, мистер Блэдфорд.

– Не может быть! У меня что-то с глазами! Неужели за четыре года маленькая девочка могла превратиться в это…, это…,в такое… – и он сделал жест рукой в направлении неба как знак восторга. Джорджиана засмеялась.

– Мистер Блэдфорд,…

– Простите, мисс, – перебил он ее, – я не мистер Блэдфорд, Вы меня с кем-то путаете. Меня зовут Стивен, Стив. Если, конечно, Вы меня помните…

– Стив. Помню. Очень хорошо помню.– Джорджиана не отрывала от него глаз.

– Я рад, что Вы, мисс Дарси, меня не забыли, но…

– Кто здесь мисс Дарси? – подыгрывая ему, спросила Джорджиана – Здесь есть Джорджиана, можно – Джо. Если захотите.

Все трое весело смеялись. Лиззи, наблюдая эту сценку, удивлялась Джорджиане. Она впервые видела ее такой женственно лукавой, с радостным блеском в глазах и даже немного кокетливой. Мистер Блэдфорд подошел к Лиззи.

– Миссис Дарси, я только что приехал и потому не осведомлен обо всех происходящих здесь событиях. Но я уже знаю: мой друг женился, и это первое мое потрясение. Дарси улыбается, его глаза сияют – и это второе потрясение. Как все произошло, он расскажет потом, а пока я хотел бы знать, почему Вы, мэм, лежите? Вы нездоровы? Это не может ускользнуть от моего взгляда. Что случилось?

– Ах, Стив! Миссис Дарси недавно подарила мне сразу двоих детишек – сына и дочку. Дети в полном порядке, а вот Лиззи никак не окрепнет…

– Вот оно что! Поздравляю Вас, миссис Дарси!

– Лиззи, зовите меня Лиззи. Вы же друг этого дома, значит и мой друг.

– С радостью. А я Стивен, Стив. Дарси, поздравляю тебя! У меня сегодня день потрясений. Но об этом потом… – Мистер Блэдфорд внимательно посмотрел на Лиззи, помолчал, а потом, обратившись к Дарси, сказал:

– Надеюсь, ты разрешишь мне посмотреть прекрасные глаза твоей жены? Ты же знаешь, что я кое-что понимаю в медицине.

– Конечно, Стив! Я рад, что ты предложил это. Лиззи, дорогая, перед тобой ученый, знающий толк в болезнях и способах их лечения. Доверься ему.

– Конечно. Что я должна сделать, мистер… Стив?

– Ничего. Только разрешить мне прикоснуться к Вашим векам.

Стив вышел вымыть руки в туалетную комнату Дарси, вернулся и подошел к Лиззи. Ловко вывернув веко, он ахнул, отпустил Лиззи и сел в кресло.

– Что, что? – встревожился Дарси.

– То, что у твоей жены сильное, очень сильное малокровие, друг мой, и нужно срочно принимать меры.

– Что нужно делать? Стив, говори, пожалуйста, говори!

– Сейчас я испишу целый лист: что, когда и сколько нужно есть, а завтра утром привезу порошки. У тебя я найду бумагу и перо?

Стив пошел в кабинет. Прошла минута, и Дарси отправился следом за ним. Дамы остались одни и тут же стали обмениваться впечатлениями. Они были единодушны: перед ними самый приятный человек, какого они когда-либо видели. Джорджиана сияла от радости. Лиззи же для себя отметила, что, в отличие от Дарси – степенного, не очень быстрого, с некоторым налетом важности в движениях и непререкаемости в суждениях, что делало его несколько старше своих лет, Стивен Блэдфорд двигался легко и быстро, держался непринужденно, несколько по-мальчишески, и говорил живо. А в глазах искрилась радость встречи. Каждый, на кого он устремлял свой взгляд, чувствовал, как купается в волнах доброты, исходящих от этого человека.

А Дарси в это время слушал Стивена.

– Если вовремя не принять меры, исход может быть самый страшный.

– Стив, ты подписываешь приговор не только моей жене, но и мне. Если Лиззи не будет, не будет и меня. Я не стану жить без нее ни одного дня. Останутся двое малюток круглыми сиротами. Ты меня знаешь, – я не склонен к сентиментальности, не начитался любовных романов… но… так случилось… Ты ведь помнишь меня не совсем таким, каким встретил сейчас, ты сам сказал, что я очень изменился. Так вот: это не я изменился, это Лиззи изменила меня. И теперь я без нее… Стив, спасая ее, ты спасаешь нас. Скажи, что можно сделать? Я умоляю тебя, придумай что-нибудь… что угодно, но вылечи Лиззи!

– Успокойся, успокойся! Все не так ужасно. Ты не понял меня. Я имел в виду, что если ничего не делать, не принимать никаких мер, но… но ведь меры непременно будут приняты. Уже сегодня… сейчас…

Стив помолчал, а потом попросил:

– Расскажи мне все. Все с самого-самого начала: где и как ты познакомился со своей женой… ну, вообще, все-все… Я ведь ничего не знаю. Не могу не отметить, что твоя жена прелестна. Я и не знал, что у тебя такой хороший вкус!

Дарси улыбнулся. Он благодарно посмотрел на Стива и сказал:

– Мне придется начать с того, что вскоре после твоего отъезда я познакомился с одним милым молодым человеком нашего круга по имени Бингли…

Дарси рассказывал, а Стив с удивлением отмечал, как строго судил себя его друг, когда речь шла о его поступках и высказываниях двухлетней давности, какие жертвы собственному самолюбию он принес, общаясь с Уикхэмом, которого Стивен, конечно, хорошо знал и ненавидел. Дарси ничего не упустил. Впрочем, это было не совсем так. Дарси все-таки не рассказал Стиву, как Джордж Уикхэм, поступив в полк, расквартированный вблизи городка Меритон и познакомившись с семьями местных помещиков, всюду рассказывал о том, что мистер Дарси, в имении которого покойный мистер Уикхэм-старший был управляющим, не выполнил волю своего отца и не выдал Джорджу Уикхэму обещанные тому деньги (что было неправдой). Не рассказал Дарси и о том, что Джордж Уикхэм, наделав долгов, устраивая попойки и ведя себя самым недостойным образом, склонил 15-тилетнюю Лидию Беннет, сестру Лизи, к побегу с ним, представив это как романтическую историю (на самом же деле скрываясь от кредиторов). Поступок Лидии бросал тень на всю семью мистера Беннета. Дарси не рассказал Стиву, что разыскал беглецов, заплатил все долги, заставил Уикхэма обвенчаться с Лидией, устроил ему перевод в армию на север страны в Ньюкасл и дал денег на достойное существование в первое время. Только благодаря Дарси семья мистера Беннета не была опозорена. Впрочем, не только Стив не узнал о помощи Дарси в этой истории. Об этом долго не знал вообще никто.

Дарси с необыкновенной теплотой рассказывал об истории любви Джейн Беннет и Чарльза Бингли, говорил о миссис Беннет, так вредившей своим дочерям, и с полным уважением к ее родному брату – мистеру Гардинеру. Его рассказ дошел до дня родов. Он признался, что когда открылась дверь, и акушерка хотела дать ему в руки детей, он отстранил ее, не стал даже смотреть на них, а бросился к Лиззи, и только потом, позже, убедившись, что с Лиззи все в порядке, только тогда обратился к детям. Он не утаил ничего.

Стив долго молчал. Рассказ друга произвел на него сильное впечатление. Он не мог не отметить, что его очень удивила история о том, что девушка из не знатной и не богатой семьи отказалась стать хозяйкой Пемберли, поставив чувство собственного достоинства выше богатства и знатности. Такое случалось очень и очень редко. Все, что он узнал от Дарси о Лиззи, вызвало у него чувство глубокого уважения к этой милой женщине. Мужчины еще долго сидели в кабинете. Когда они вернулись к Лиззи, Джорджианы там не было. Стив, размахивая большим листом бумаги, заявил, что идет к повару.

– Кто у тебя работает на кухне?

– Как – кто? Джеймс Гриффин.

– Джеймс?! Я очень рад. Надеюсь, что он меня еще не забыл!

Стив быстро вышел. Дарси придвинул кресло к дивану и взял Лиззи за руку.

– Что, Лиззи? Ты устала?

– Нет, нет, дорогой! Просто Джорджиана ушла, и мне стало скучно. Зачем Стив пошел к повару?

– Он понес ему список блюд, которые ты ежедневно обязательно должна есть, чтобы скорее поправиться. Тебе придется целые дни усердно работать: хоть по капельке, но часто-часто есть самые вкусные вещи, какие только можно придумать. От икры до шоколада.

– Пожалуй, я не стану возражать против такого лечения, – засмеялась Лиззи. – Твой друг – самый милый человек, какого я видела, и самый замечательный лекарь!

Вошел Стив.

– Ну, друзья мои, лечение начинается. Скоро обед. Голодным я никуда не поеду, а вот после – откланяюсь. Уеду в город, добуду горько-солено-кисло-перченые порошки и завтра утром прибуду с ними сюда.

– О, Стив! Неужели Вы привезете такую гадость?!

– Нет, нет, Лиззи! Это я шучу. Разве я похож на злодея, который стал бы так огорчать милую жену моего дорогого друга? Нет, порошки совершенно безвкусные. Ни вкуса, ни запаха. Ничего. Слышите? Нас зовут обедать!

– Разве нам не принесут обед сюда? – удивился Дарси.

– Нет, дорогой. Я попросила Джорджиану пойти вниз и сказать, что обедать мы будем в столовой. Я спущусь.

– Но, Лиззи, ты устанешь и не сможешь подняться…

– Ты же обещал когда-то, что будешь носить меня на руках. Вот теперь, может быть, у тебя появится такая возможность. Но я вряд ли этим воспользуюсь. Я себя вполне хорошо чувствую. Мистер Блэдфорд только заговорил о лечении, как мне стало намного лучше.

Втроем они спустились в столовую, где их уже ждала Джорджиана. После обеда Стивен уехал, а на утро снова уже был в Пемберли со своими порошками. Он оставался у Дарси почти целую неделю.

Мистер Блэдфорд рассказывал о том, чем намерен заняться в самые ближайшие дни. В Англии в трех разных городах, – говорил он, – по его поручению создавались фармакологические фабрики по образцу немецких. Рядом с каждой фабрикой должна быть оборудована аптека. Все это делалось на деньги Стива с помощью одного молодого англичанина, с которым Стив познакомился в Германии. Этот молодой человек был отлично подготовлен к избранному им делу, но не имел средств для создания собственного предприятия. Теперь Стив должен будет посмотреть, что и как сделано. Время от времени он будет ездить то в один, то в другой город.

– Так что, друзья, перед вами владелец фабрик и аптек, а, следовательно, ваше здоровье – в моих руках.

Шли недели за неделями. Лиззи аккуратно выполняла все предписания. Повар каждые два часа присылал ей маленькую тарелочку с чем-нибудь из списка мистера Блэдфорда, и дело шло к выздоровлению. Лиззи уже не была такой бледной, силы понемногу прибывали, и настроение Дарси заметно улучшилось.

Лиззи сидела с книгой у окна в своей комнате. Она не читала. За окном медленно текла неширокая река, а на другом берегу раскинулся парк. Деревья в новых светло-зеленых одеждах радостно шевелили листвой, а солнце улыбалось им и всему живому. Улыбалось оно и Лиззи. Она опустила книгу на колени и закинула голову на спинку кресла, закрыв глаза. Вошел Дарси.

– Ты решила вздремнуть?

– Нет, нет. С тех пор, как я живу здесь, я разлюбила спать. – Дарси с тревогой взглянул на жену. – Правда, разлюбила! Ведь во сне тебя нет со мной рядом, а мне это не нравится!

– А вдруг я тебе приснюсь в виде чудовища?

– Нет. – Лиззи мечтательно посмотрела в окно. – Знаешь, на днях мне приснился странный сон: будто я собираю цветы на крыше высокого дома. Ну, такого, как этот, высоко-высоко! Вдруг появился дядюшка Филипс. Он бросил мне мяч, а я не сумела поймать его и мяч упал с крыши вниз, на землю. Я подошла к краю и вдруг… полетела! Как птица! Лететь было легко, радостно и я громко пела!… На земле я нашла мяч и …проснулась! Сон был таким приятным…

– Вот видишь, иногда от меня хорошо и отдохнуть…

– Особенно на крыше – весело сказала Лиззи. «Она поправляется, поправляется!» радостно думал Дарси, видя, как похорошела Лиззи, как возвращается к ней замечательный цвет лица и ее прекрасная улыбка.

Вошла Нэнси с тарелочкой «лекарства» от повара.

– Нэнси, скажи Джеймсу «спасибо»!

– Да, сэр.

«Славный, славный Джеймс! – думал Дарси – среди своих многочисленных поварских забот он ни разу не опоздал и не перепутал указаний Стива!»

– Непременно скажи, Нэнси!

Горничная вышла. Увидев, что Лиззи внимательно смотрит на него, Дарси, несколько смущенно, сказал:

– Да, да, дорогая, это ведь ты научила меня замечать, что нас окружают не просто слуги, но – люди, хорошие, добрые люди.

Недоразумения и ревность

Дети росли. Дарси каждое утро заходил в детскую и, стоя у кроватки, внимательно рассматривал свое потомство. Иногда он заставал детей не спящими, и тогда видел, как смотрят на него голубые глазки, а маленькие ротики пускают пузыри. Ему казалось, что дети улыбаются, и это было странно. Откуда они знают, кто этот человек, который смотрит на них? Но Лиззи объяснила: это еще не улыбки, а просто движения мышц. Она усердно читала книги о маленьких детях и была теперь обо всем хорошо осведомлена.

Дарси чувствовал себя виноватым. Умом он понимал, что эти два маленьких тельца, завернутые в голубое и розовое, – его дети, его желанные дети, сын и дочка. Это он знал. Но в сердце его для них все еще не было места. Дарси винил себя за холодность, бесчувственность, сухость, равнодушие, боялся признаться в этом жене, но ничего не мог с собой поделать.

Было начало сентября. В открытые окна детской вливался теплый воздух, наполненный запахами цветов и трав. Дети уже хорошо держали головку, усердно тащили в ротики все, до чего могли дотянуться, и крепко #еплялись за родительские пальцы. Им шел пятый месяц. Как-то Лиззи, покормив сына, дала его Дарси, а сама занялась Эми. Маленький Джонни, обхватив отцовскую шею пухлыми ручками, крепко присосался к отцовской щеке. Дарси прижал мальчика к себе, и вдруг волна нежности залила его душу. Он вдыхал сладковато-молочный запах, шедший от ребенка, и, взяв его ручку, стал нежно целовать ее. Когда Лиззи забрала у него сына, Дарси впервые почувствовал, как ему не хотелось отпускать от себя ребенка. В нем проснулось что-то новое, еще непонятное, но очень-очень хорошее. Ему все чаще и чаще хотелось заглянуть в детскую, его забавляли усилия маленькой дочки, которая, захватив его пальцы, делала попытки сесть, кончавшиеся обычно неудачей. Девочка развивалась быстрее брата, активнее тянулась к игрушкам и весело смеялась. Сердце Дарси наполнялось особым чувством, названия которого он не знал, но которое заставляло его подолгу бывать в#детской, беря то одного, то другого ребенка на руки, чтобы походить с ним по комнате, прижимая к груди. Оставаясь наедине с самим собой, Дарси часто чувствовал на своем лице улыбку при мысли о малышах. Он уже любил их. Его лицо, так мало приспособленное к улыбкам, представляло собой арену для борьбы сдержанности и нежности. Последняя явно побеждала.

В один из теплых прекрасных дней, когда мягкая, все еще зеленая трава с удовольствием подставляла свои тонкие длинные листочки под ласковые лучи солнца, и жучки, сидящие на травинках, тоже грелись, шевеля усиками и отложив поиски пропитания, в один из таких дней вся поляна перед домом была залита светом и только рядом с большим кустом стояла густая тень. Там, в плетеной кроватке под кружевным пологом, сладко посапывая, крепко спали Джонни и Эми. Рядом на стуле сидела няня, а у ее ног стояла корзинка с разноцветными клубками шерстяных ниток. Няня вязала башмачки. Она знала, как быстро бежит время, и те, что она вяжет сейчас, хотя и кажутся большими, очень скоро станут малы и понадобятся новые башмачки на быстро растущие ножки ее питомцев. А потому няня вязала и вязала розовые, желтенькие и сиреневые – для Эми, голубые, синие и коричневые – для Джонни. Няня знала, какие цвета подобает носить джентльмену, даже если пока он еще очень маленький.

А в это время по другую сторону дома мистер Дарси, поцеловав жену и пообещав ей непременно вернуться к обеду, сел в карету и уехал в город В 11 часов, как всегда, Крис привез почту и Лиззи, взяв ее, пошла в свою комнату. Найдя письмо для себя, она стала читать. Мэри писала о жизни в родительском доме, писала обстоятельно, подробно. В самом конце несколько слов приписала Китти. Еще было письмо от тетушки Гардинер, но его Лиззи отложила на потом, так как ее ждала миссис Рейнолдс для решения каких-то хозяйственных дел, а вскоре должны были проснуться дети.

Лиззи и не заметила, как прошло время, приближался час обеда, вот-вот приедет муж. Она взяла стопку писем и разложила их на столе в его кабинете, просмотрела заголовки на первых страницах газеты и, не найдя в них ничего для себя интересного, открыла страницу, на которой обычно печатается светская хроника: сообщения о бракосочетаниях, рождении детей, смертях, балах, приемах и прочее, прочее. Она уже хотела сложить газету, как вдруг увидела слово «Дарси». «Как странно, – подумала Лиззи, – мы никаких объявлений в газету не давали». И она стала читать.

В заметке сообщалось, что небезызвестный мистер Дарси, член «Золотой звезды» был замечен с цветами и коробкой, очевидно, конфет на пороге дома миссис С., муж которой находится в отъезде. В последующие дни сей господин не раз бывал у этой дамы, что подтверждают внимательные соседи. А в это время миссис Дарси живет со своими малютками в прекрасном Пемберли и ни о чем не подозревает… «Каков, однако, мистер Дарси! Все-то он успевает!» – развязно заканчивал свою заметку некто, подписавшийся как «Друг».

Лиззи почувствовала, как в груди у нее образовалась холодная пустота, а сердце бьется у самого горла. Она опустилась в кресло, пальцы рук похолодели. Нет, она не верила ни одному слову! Ни одному! Это, конечно, был не Дарси, а кто-то похожий на него… Конечно, не он… он – не мог, он никогда не лгал, он не унизил бы ее, она заметила бы,… почувствовала бы… Нет, нет, нет! Все это – ложь! Но…

Она еще не знала, что последует за этим «но», а воздуха, почему-то не хватало, тело стало тяжелым и непослушным. Усилием воли Лиззи заставила себя встать, прошла в свою комнату и, стоя у раскрытого окна, старалась глубоко дышать, чтобы успокоиться.

Она видела, как к крыльцу подъехала карета мужа, слышала его шаги по лестнице, потом – его голос из кабинета (он что-то сказал камердинеру Рою Линни) и вскоре Дарси появился на пороге ее комнаты.

– Вот видишь, дорогая, я – дома, как и обещал, к обеду! Пойдем! Джеймс сказал, что все готово, а я ужасно проголодался!

Лиззи быстро повернулась и пошла вниз в столовую впереди мужа (она не хотела, чтобы он видел ее лицо, ей нужно было время, чтобы справиться с собой). За обедом она молчала, а Дарси рассказывал о том, что встретил старого знакомого, которого не было в Лондоне несколько лет. Вдруг он заметил, что она не слушает его, как-то странно напряжена, а в глазах смятение, испуг и что-то еще новое, непонятное… Он хорошо знал эти глаза!

– Лиззи, ты нездорова? У тебя что-то болит, дорогая?

– Нет. Я – в порядке – спокойно ответила она. – Ты уже смотрел почту?

– Нет еще. Я только переоделся. Видел много писем. Впрочем, все, как всегда.

Обед подошел к концу, они встали из-за стола.

– Пойду, посмотрю, что там.

Дарси и Лиззи поднялись наверх в свои комнаты. Пытаясь сосредоточиться, Лиззи взялась за вышивание, но не смогла сделать ни одного стежка – только колола себе пальцы. Она ждала разговора и боялась его. Слезы стояли у самых глаз, но она не позволяла себе расплакаться.

Прошло немного времени как в дверях появился Дарси с листочком, вырванным из газеты. Он был в ярости

– Ты читала это? – возмущенно воскликнул он.

– Да. – Тихо и очень спокойно ответила Лиззи.

– Я завтра же поеду в редакцию и потребую напечатать извинение. Крупными буквами! На этом же месте! А редактора заставлю выгнать с работы этого писаку!

– Значит, это был не ты? – с надеждой спросила Лиззи.

– Нет, это был я, но…

– Журналист выдумал эту миссис С.?

– Почему же? Миссис С., разумеется, существует, но…

Лиззи посмотрела ему в глаза и с иронией сказала:

– Она, конечно, уродина и старуха!

Дарси, не уловив насмешки, удивленно посмотрел на нее.

– Вовсе нет. Она молода и очень миловидна, но…

– Если это был ты, миссис С. существует, и ты бывал у нее, да еще с цветами и конфетами, то за что же извиняться редакции и выгонять журналиста? Ведь он написал правду, – холодно сказала Лиззи.

– Как это «за что»? Он же всё извратил! Все совсем было не так! – вскричал Дарси.

– Ты можешь не рассказывать мне подробности своих похождений – Лиззи выпрямилась, подняла голову и смело посмотрела мужу в глаза. Она была очень бледна, лицо ее выражало гордое презрение. Дарси оторопел.

– Лиззи, о каких похождениях ты говоришь?! О чем ты?! Разве я не сказал тебе, что Томас попал в неприятную историю на улице?

– Зачем ты говоришь мне о Томасе? Причем здесь Томас? – небрежно бросила Лиззи.

– Как это «причем»? Это ведь он зацепил колесом платье миссис С. и она упала, повредив колено.

– Так ты ездил к ней лечить ее ногу?

– Ну, зачем ты так? Томас помог слуге отнести ее в дом, из которого она только что вышла, съездил за доктором по адресу, который ему дали. Он все сделал правильно. Он же назвал мое имя! Разве я не должен был поехать извиниться? Разве нет, Лиззи?

– Конечно. Но, кажется, твое извинение затянулось на много раз. Впрочем, мне это безразлично. – Она отвернулась.

– Я купил цветы, конфеты и поехал. У миссис С. был вывих лодыжки и разбито колено. Она сидела в кресле, а нога лежала на банкетке под пледом. Я предложил оплатить лечение, но она отказалась и обратилась ко мне с просьбой… с «нескромной просьбой», как она сказала.

Лиззи стояла у окна. При последних словах она повернулась к Дарси.

– Лиззи, дорогая, ты только подумай! Она попросила меня познакомить ее с леди Эшвуд! Она знает, что это – Элиза Ди, обожает ее романы, читала в газете, что у нас в Пемберли на приемах бывают лорд и леди Эшвуд, и просила меня устроить ей встречу с любимой писательницей! Я обещал поговорить с леди и откланялся.

– Слишком невинно даже для этого «Друга» из газеты, – сказала Лиззи с насмешкой. – Ради одного твоего посещения этой дамы не стоило писать заметку. Впрочем, я ведь ни о чем тебя не спрашиваю. Если тебе этого хочется, почему бы тебе не ездить к этой миссис хоть каждый день, но…

– Я был у нее еще четыре раза: заехал сказать об обещании Джулии (ты же знаешь, какой она милый человек!) приехать к своей верной читательнице через несколько дней; потом миссис С. прислала мне записку с просьбой приехать «по делу». По дороге домой я остановился у ее дома и зашел узнать, что за «дело»? Оказалось, что мы должны подписать бумагу о том, что обе стороны, то есть она и я не имеем друг к другу претензий и суда не будет. Подписать бумагу нужно в присутствии чиновника из дорожного управления (они там всё знают о происшествиях на дорогах), который приедет к ней на следующий день в 4 часа. Я приехал, подписал и уехал. А через два дня леди Эшвуд заехала за мной и я отвез ее к миссис С., познакомил их и откланялся. Вот и все. А этот омерзительный писака изобразил меня Дон Жуаном, а тебя – обманутой женой! Да еще так нагло, развязно! Я этого не потерплю! Завтра же поеду!

– Почему ты ничего не рассказывал мне? – спросила Лиззи, напряженно глядя на мужа.

– Сам не знаю… Наверное, потому, что все это было так неинтересно, скучно… В течение дня, когда я в городе, мне приходится встречаться со многими людьми, вникать во множество дел. На этом фоне исправление греха Томаса было таким пустяком, о котором не только

говорить, но и думать было ни к чему. Но ты, Лиззи… – Дарси с изумлением вглядывался в ее лицо – ты… ревновала меня? Да? – он с какой-то радостью смотрел на нее, ожидая ответа, но она опустила голову и молчала.

– Лиззи, ты ревнива! Моя жена – ревнива! Ты ревновала! Да! Да! Признайся! – воскликнул Дарси, увлеченный новым и, почему-то, радостным для него открытием. Он прижал ее к груди.

– Чему ты так радуешься? – улыбнулась Лиззи, почувствовав что ее тело перестало быть тяжелым.

– Как – чему? Я обнаружил, что моя жена ревнива! Ах, Лиззи! – и Дарси рассмеялся. Лиззи, взглянув на его счастливое и по-детски поглупевшее лицо, тоже рассмеялась. – Поедем завтра вместе в газету, дорогая! Ведь он оскорбил и тебя и меня, этот негодяй!

– Может быть, потребовать только извинения?

– О нет! Ведь он напал на меня, а я могу за себя постоять – я могу купить газету и выгнать их всех на улицу! А если бы вместо меня был достойный человек, но без моих возможностей? Эти господа должны отвечать за свои выдумки! – Дарси ходил по комнате, энергично жестикулируя. – Представляешь себе: мистер С. прочитает эту заметку, приедет домой и вызовет меня на дуэль. Не на шпагах (тут я спокоен), а – стреляться! – Дарси остановился перел женой. – Ты хочешь быть вдовой, дорогая?

– О, нет! Не хочу! – засмеялась Лиззи.

– Ну, так вот – поеду! Непременно! Что бы ни говорила «бедная миссис Дарси»! Поеду! – и он ласково смахнул слезинку с ресницы Лиззи и поцеловал ее мокрые глаза.

Уроки домоводства

В пятницу ждали Стивена. Лиззи послала Джейн записочку с приглашением навестить их в Пемберли. Дарси и Лиззи хотели, наконец, показать тете ее племянника и племянницу. К обеду был накрыт стол, Бингли приехали. Прежде всего, они отправились в детскую. Дети не спали, смотрели на больших людей и чмокали ротиками. У Эмили волосики были с рыжеватым оттенком, как у Дарси, у Джона – темные волосы Лиззи и личико чуть более смуглое, чем у сестры. Джейн с восторгом рассматривала крошечные ручки с малюсенькими ноготками, нежно прижимая их к губам.

После обеда все собрались в музыкальной комнате. Мисс Бингли была очарована другом мистера Дарси. Она засыпала его вопросами о Германии и очень досадовала, когда он отвлекался, напоминая Лиззи о ее «горько-кислых». Кэролайн еще не определила для себя, чего она хочет от мистера Блэдфорда, но он ей нравился, очень нравился. Стремясь вызвать в нем интерес к себе, она просила его рассказать ей о способах изготовления лекарств, о жизни немецких семейств, о Париже, словом, о чем угодно, лишь бы удерживать его рядом с собой, показывая ему свою образованность, очаровывая его своей женственностью, красотой и любезностью. Стивен с удовольствием беседовал с мисс Бингли, ему была симпатична эта барышня, он был внимателен, остроумен и весел. Кэролайн Бингли была уверена, что постепенно завоюет этого милого джентльмена. Потерпев поражение с мистером Дарси, Кэролайн решила, что больше такого не будет. Она непременно участвовала во всех развлечениях и не упускала случая показать себя с наилучшей стороны. Когда Джорджиана села за фортепиано, а потом превосходно исполнила на арфе под аккомпанемент Лиззи несколько пьес, мисс Бингли (ей хотелось произвести хорошее впечатление на мистера Блэдфорда) тоже мило сыграла что-то из своего репертуара.

Вечер прошел превосходно. Гости разъехались. Стив остался.

Весь следующий день был посвящен Стиву. Поместье его родителей было очень далеко от Лондона. После их гибели он редко бывал там, доверив все дела управляющему, который жил у них второй десяток лет. Стив хотел купить поместье где-то рядом с Пемберли. Так, чтобы «через 10 минут – и я у вас» – говорил он. Нужно было найти продавца. Мужчины изучали карту графства, женщины планировали будущие цветники. Все были заняты. На следующий день Дарси и Стив отправились в Лондон в контору мистера Гейбла. Затем они еще несколько раз ездили туда.

Однажды, когда в очередной раз они уехали, Лиззи предложила Джорджиане съездить с ней на ферму в сыроварню. Ей было очень интересно наблюдать за работой сыроделов. Она уже была знакома с главным из них – веселым толстяком мистером Смитом.

Не прошло и получаса, как открытая коляска с двумя дамами остановилась у сыроварни. Лиззи и Джорджиана пристроились в уголке, чтобы не мешать мастерам, и с любопытством наблюдали за их работой. К ним подошел словоохотливый мистер Смит и стал рассказывать, как он каждую пятницу отвозит в Лондон порцию сыров на продажу. На расспросы Лиззи о количестве продаваемого сыра, покупателях и цене, мистер Смит заметил:

– Я, как говорят важные господа, консерватор. Я люблю, чтобы все было как при моем отце и даже деде. Отвожу одно и то же количество, по одной и той же цене, в один и тот же магазин, хозяина которого знаю уже больше десяти лет. Не люблю неожиданностей и перемен, мэм. Я – такой! – смеялся толстяк Смит.

Попрощавшись с сыроделом, Лиззи и Джорджиана зашли к управляющему – молодому любезному человеку. Лиззи похвалила порядок на ферме и заявила, что желает понять, каково управлять всем этим хозяйством. Она попросила молодого человека показать ей книгу, где записано все-все-все, и объяснить ей, что и как заносится в нее. Управляющий достал толстую

книгу и принялся объяснять ей, что означает та или иная графа. Объяснял он путано, Лиззи ничего не поняла и сказала, что заберет книгу с собой, чтобы спокойно разобраться. На это управляющий заметил, что ему совершенно необходимо делать записи ежедневно, но Лиззи пообещала завтра же утром непременно вернуть книгу.

Дома Джорджиана, не расположенная к занятиям хозяйством, ушла к себе, а Лиззи принялась изучать толстый фолиант. В книге было всё: сколько молока дают коровы, сколько поросят принесли свиньи, и про овес, и про овощи и т. д. и т. д. Увидела она и запись о продаже сыра и выручке от него. Удивило только, что каждая запись, сделанная по пятницам, была разной: разное количество сыра отвозилось в город по разной цене, и выручка была разная. И еще удивила запись в графах «Заказано для дома» и «Отпущено для дома». Три дня назад к обеду, это она хорошо помнила, была подана осетрина. В другие дни осетрины не было. Но в записях было обозначено, что стребовано было дважды по большому осетру. Лиззи почувствовала, что что-то здесь не так и пошла к повару. Мистер Гриффин достал свою книгу, где были две графы: слева «Заказано», справа «Получено». Записи не только о рыбе, но и многом другом странно не совпадали. Хозяйка и повар долго сидели в пустой столовой за длинным столом и сверяли, сверяли, сверяли. Когда дело дошло до осетровой икры, Джеймс вышел на минуту, и тут же явился с хрустальной вазочкой, которую Лиззи часто видела на столе с икрой.

– Вот, мэм, сюда входит ровно полфунта. Заказывать нужно так, чтобы продукт на столе всегда был свежим. А здесь записано 2 фунта каждый раз. Это почему же? И птица записана неверно. У меня здесь стребовано 6 штук и этого вполне было достаточно. Я и получил 6. А записано, что я просил 8 и получил 8. Это совсем не годится. Нужно еще проверить. Как-то нехорошо получается, мэм.

Лиззи стала тщательно изучать записи и отмечать те страницы, где что-то не совпадало. Приехали Дарси и Стив. Лиззи взяла книгу управляющего, книгу Джеймса, и отправилась в кабинет мужа. Увидев ее с хозяйственными книгами, Дарси удивился, но Лиззи удивила его еще больше, когда заявила, что управляющий фермой – жулик.

– Этого не может быть, дорогая! Я много раз смотрел его записи и ничего такого не нашел.

– Вот, смотри.– И Лиззи положила перед ним свой листок. Дарси долго изучал все пометки Лиззи, сверял обе книги, потом посмотрел на жену.

– Я однажды сказал тебе, что твое место в Парламенте. Могу еще раз повторить это же. Стив, подумай только, – обратился он к вошедшему Стивену, – я столько раз смотрел, но ничего не заметил, а миссис Элизабет Дарси взглянула, и сразу поняла, что я кормлю вора. Завтра утром я вызову его и тут же уволю. Вместо него пока поставлю старика Смита.

– Консерватора?

– Почему консерватора? – удивился Дарси.

– Он сам себя так назвал. Он не любит перемен,

До позднего вечера Дарси изучал книгу управляющего, отмечая явное жульничество, сравнивал с записями Джеймса Гриффина и удивлялся тому, что ничего не замечал раньше.

– Молодчина Джеймс. Он так старается, приготавливая для Лиззи специальные блюда! Он заверил меня, что для миссис Дарси сделает все-все, – отметил Стив.

– Это еще один поклонник Лиззи. В собственном доме так терзаться муками ревности! Это – слишком!

– А кто еще?

– Ты никогда не догадаешься. От этого поклонника Лиззи каждые несколько дней получает букет цветов. И так – с первого дня ее замужества! А я худею от ревности. Не женись, друг, не женись!…

– Да кто же это? Не могу даже представить себе…

– И не представишь. Потому, что это – мистер Гловер, наш старый садовник.

– Ты шутишь! Гловер?! Гловер никогда и цветка не срежет для букета без распоряжения. И никому не позволит сделать это. Да я и голоса его никогда не слышал. Думаю, он немой. Слышит, но не говорит.

– И вовсе нет, – вмешалась Лиззи.– Говорит. Он даже обещал мне, что посадит еще один сорт настурций!

Дарси и Стивен, не сговариваясь, только развели руками…

Утром Дарси вызвал управляющего, дал ему один день на сборы и велел покинуть Пемберли, не рассчитывая на рекомендации. После обеда Лиззи, скрывая смех, робко подошла к удрученному мужу и спросила:

– Мне сегодня уехать, дорогой, или можно отложить до завтра? – Дарси не понял. Он с удивлением посмотрел на жену, ожидая объяснения. Посмотрел на Стива, думая, что, может быть, тот знает, куда собралась Лиззи. Но Стив был явно не в курсе.

– Куда ехать, Лиззи? Куда?

– Как – куда? Ты же сам сказал, что мне нужно ехать в Лондон, в Парламент. И говорил это уже дважды, а я все откладываю…

Лиззи явно выздоравливала. Ей понравилось, как расхохотался Дарси, а Стив стал выяснять, когда Дарси первый раз отправлял Лиззи в Парламент. Пришлось рассказать о мистере Коллинзе и о пьесе под названием «купля – продажа». Стив потребовал, чтобы Дарси привлек жену к обсуждению дел, связанных с покупкой поместья для него и для его будущей жены, коей он непременно собирается обзавестись.

– Надеюсь, это будет не мисс Бингли? Она так негодовала, когда увидела, что я предпочел мисс Беннет. А сейчас, мне кажется, она уделяет тебе особое внимание…

– О нет, это совсем другая дама.

– Ого! Значит, уже и дама есть! Кто же это? Открой свой секрет!

– Ни в коем случае. Я даже буду делать все, чтобы ни вы, и никто другой никогда не догадались, пока я не получу ее согласия.

Не все женщины могут порадовать

Как-то, уехав вместе со Стивом в Лондон, Дарси вернулся домой один, и сообщил, что на следующей неделе в театре дают премьеру, и что он предлагает Лиззи и Джорджиане отправиться на спектакль. Лиззи не была в городе больше полугода. Перед родами она была «не в форме», потом, после родов была очень слаба для такой поездки, да и кормление детей не давало ей возможности отлучаться из дома. Теперь уже можно было поехать.

Особенно радовалась Джорджиана – она любила театральные премьеры. В театр решили ехать непременно. Но накануне спектакля должен был состояться бал. И танцевать тоже очень хотелось. Дарси не был уверен, что Лиззи это пойдет на пользу. Решили поступить так, как захочется в тот день.

В день бала Лиззи чувствовала себя прекрасно и готова была танцевать. Она понимала, как хочется Джорджиане быть там, да и самой Лиззи хотелось общества, музыки, веселья.

Дарси был одет, Джорджиана тоже была готова, а Лиззи ждала мужа. Он просил ее не одеваться до его прихода, так как хотел сам посоветовать, какое из платьев ей надеть. Дарси сказал, что сейчас придет и все решит. И действительно, через минуту он вошел, держа в руках две коробки:

– Вот, Лиззи. Если это окажется никуда не годным, я «больше не буду», как говорят провинившиеся дети. Открой! -.Лиззи осторожно открыла коробку. В ней лежало что-то из плотного василькового шелка. Дарси вынул это «что-то», оказавшееся платьем, отделанным тонкой полоской меха вокруг декольте и расширенных книзу рукавов. Мех был ослепительно белым, нежным, пушистым. Платье сидело великолепно.

– Откуда ты взял его, дорогой мой?!

– Заказал по твоим меркам. Ткань, мех и фасон выбирал сам. Нравится? Ну, скажи, что я молодец! Скажи!

Лиззи целовала его в лоб, нос, щеки, губы. Дарси был доволен. Жена выглядела превосходно. Она опять была той красавицей, которую он видел на предыдущих балах в окружении поклонников.

– А что в той коробке? – спросила Лиззи, надевая свои голубые сапфиры.

– Здесь очень полезная вещь, учитывая, что теперь вечерами прохладно.

Дарси открыл коробку и набросил на плечи жены пелерину из белого песца, подбитую белым шелком.

– О, Боже! – только и смогли воскликнуть Лиззи и вошедшая Джорджиана.

Оставив мех у лакея, все трое вошли в зал для танцев. Сразу появились знакомы и опять на них было обращено общее внимание. Лиззи удивляло это, но было приятно. Джорджиана была приглашена на два танца. Дарси первый танец танцевал с Лиззи, потом предоставил ей свободу, а сам остался в кружке мужчин. Вдруг среди танцующих они увидели Стива, который сделал им знак, что сейчас подойдет. Танец кончился. Лиззи вернулась к Дарси. Стив очень удивился: договаривались о встрече в театре, так как на бал они не собирались. Подошла Джорджиана.

– Решили в последний момент все-таки приехать сюда. Ну, Джо, теперь тебе придется отказать кому-то из кавалеров. Не обидишь же ты Стива?!

– О, я, несчастный! Что я наделал?! – простонал Стив.

– Что? Что ты наделал? – удивился Дарси.

– Когда я вошел в зал, рядом со мной оказалась одна дама. Она была молода, хороша собой, и я пригласил ее на танец. Танцевала она прекрасно, и когда я сказал ей об этом, она взяла с меня слово, что весь вечер я буду танцевать только с ней. Она была превосходной

партнершей, и я дал слово. Если бы я знал, что увижу вас здесь! А теперь… теперь… Джо, ты будешь презирать меня, если я нарушу свое обещание и не пойду к своей даме, а останусь здесь, с вами? – робко спросил Стив.

– Буду. Ты дал слово, а джентльмен слово не нарушает – иди к своей даме, – жестко сказала Джорджиана и ушла с очередным кавалером.

Стив был растерян.

– Ну, что делать! Иди! Завтра в театре увидимся, – сочувственно сказал Дарси.

Стив ушел. Лиззи проследила взглядом за Стивом. Она увидела даму, к которой он подошел, и с трудом сдержала восклицание. Но сдержалась. Дома она боролась с желанием рассказать мужу о сделанном открытии, но… решила подождать.

Утро началось поздно. До обеда немного погуляли по Лондону, а вечером отправились в театр. В соседней ложе были Бингли. Джейн и Кэролайн высоко оценили способности мистера Дарси в выборе туалета для жены, а мех привел обеих дам в восторг.

– Что это, мистер Дарси? Как он называется?

– Белый песец. Из России. Правда, хорош?

– Восхитительный! И прекрасно смотрится на синем!

Спектакль начался. В антракте Лиззи увидела, как в партере по проходу идет Стивен, подавая им знак. Стив вошел, наградил дам комплиментами, зашел в ложу к Бингли поздороваться, и вернулся к Дарси.

– Почему ты взял билет в партер? Удобнее было бы сюда, в ложи.

– Дело в том, что я вообще не брал билет. Не успел.

– Как так?

– Понимаешь, вчерашняя дама в конце бала почувствовала себя плохо и попросила меня отвезти ее домой. Ее экипаж стоял у входа. Не мог же я отказать! Доехал с ней до ее дома, хотел попрощаться, но она была так слаба, что мне пришлось проводить ее до гостиной, и я быстро уехал. А сегодня утром получил с лакеем письмо, в котором она посылает мне билет на спектакль. Она написала, что хотела пойти в театр со своим пожилым дядей, но у нее все еще болит голова, и свой билет она просит меня принять в знак признательности за вчерашнюю заботу. Я послал ей записку с благодарностью. Перед самым началом одно место рядом со мной было свободно, и вдруг появилась та дама и заняла его. Оказывается, голова перестала болеть, и она решила все-таки пойти на премьеру. – Стив помолчал, а потом сказал как-то неуверенно – знаешь, у меня создалось неприятное ощущение, что меня, как бы это сказать… хотят ангажировать… Она молода, красива, с хорошими манерами. Очевидно, богата. Но я… но мне все это совершенно не интересно. Оказывать ей какое-то особое внимание не входит в мои намерения.

Лиззи взглянула в партер и увидела то, что ожидала. Она незаметно показала мужу, куда посмотреть. Он увидел и помрачнел.

– Я думаю, что нужно сказать, – твердо произнесла Лиззи.

– Я тоже так думаю, дорогая.

– Что сказать? Вы о чем? – забеспокоился Стив.

– Выйдем в фойе, поговорим, – предложил Дарси, и мужчины вышли из ложи.

– О чем это? Что – сказать? – спросила Джорджиана. Она на минуту заходила в ложу Бинглей.

– Завтра дома я тебе все-все расскажу. Обещаю. А сейчас ни о чем не спрашивай. Хорошо, Джо? Завтра. Непременно.

Джорджиана удивилась, но промолчала. Антракт кончился. Дарси и Стив вошли в ложу. Стив взял свободное кресло и сел рядом с Джорджианой. Она удивленно посмотрела на него.

– Все в порядке, Джо. Мне хочется быть здесь.

Утром Дарси, Лиззи и Джорджиана уехали в Пемберли. Перед обедом Джорджиана зашла в комнату Лиззи и напомнила ей об обещании рассказать что-то.

– Да. Обещала и выполню.

И Лиззи рассказала ей о том вечере перед ее родами, когда у них в Пемберли были лорд Эдвин, генерал Коутс, миссис Олуэн и Бингли. Напомнила о внезапном отъезде миссис Олуэн.

– Да, да, я помню. Отчего она так рано уехала?

Рассказ Лиззи потряс Джорджиану. Она не представляла себе, что женщина может быть столь нескромной, так забыть о приличиях….

– Однако такие женщины есть. Это еще не все. Вчера на балу, когда Стив дал слово танцевать только с одной дамой, этой дамой была миссис Олуэн. Потом она прислала ему билет в театр. Вот почему было необходимо все рассказать Стиву. Вот почему он остался у нас в ложе. Теперь ты все знаешь, дорогая. Думаю, что мы уберегли Стива от очень неприятной истории. Дама ему совершенно не интересна. Его любезность, доброта и отличное воспитание могли сыграть с ним плохую шутку. С такими дамами иметь дело неприлично.

– А ты уверена, что эта миссис… ему совершенно безразлична?

– Уверена. Он сказал, что очень хотел от нее избавиться, но не знал, как это сделать. «Не каждая молодая и красивая дама может быть приятной» – добавил Стив.

Джорджиана облегченно вздохнула.

Гринхолл

Однажды Дарси и Стивен приехали из Лондона в отличном настроении и сразу сообщили радостную новость: сегодня Стив стал хозяином поместья Гринхолл, которое одним своим краем граничит с Пемберли. Земли меньше, чем у Дарси, но место такое же красивое. Дом очень старый, и Стив хочет поставить другой, и ближе к границе с Пемберли. Лиззи и Джорджиана должны непременно поехать туда и выбрать для него самое удачное место. Но этого мало: они должны нарисовать внешний вид дома, определить, сколько в нем должно быть комнат, и прочее, прочее, прочее. Только тогда Стив сделает заказ архитектору.

Начались дни усердного труда. Джорджиана рисовала, Лиззи вносила изменения, добавления: А где будет детская? – ведь когда-нибудь Стив женится, будут дети, нужно все предусмотреть. И Джорджиана снова рисовала. Но все ее картинки неизменно почему-то походили на дом в Пемберли, только комнат для гостей было не так много. Не было зала для танцев и еще некоторых помещений, которые Джорджиана считала лишними.

– А вдруг понадобятся? – спрашивала предусмотрительная Лиззи.

– Но ведь можно пристроить – возражала Джорджиана.

Вскоре Стив привез в Гринхолл молодого архитектора, которого потом свозили в Пемберли, показали дом. У Стива все должно быть примерно так же, но не таким большим. Прошло еще какое-то время и строительство началось. Стив не оставлял Джорджиану и Лиззи без работы: нужно было продумать план будущего сада, цветников. Время летело незаметно, и вот на крыше нового дома уже выводили трубы каминов, вставляли стекла, полировали камень для лестниц. Дом был красив и обещал быть удобным и уютным. Когда строительство подходило к концу, Стив приехал в Пемберли и взмолился:

– Мои милые дамы, умоляю вас взять на себя самое главное, самое нужное, несовершенно для меня невозможное.

– Что это, Стив? Разве для тебя есть что-то невозможное? – удивилась Джорджиана.

– Есть, дорогая моя, есть! Это – мебель, шторы и всякое такое, что красиво, удобно и необходимо, но я даже не всегда знаю, как это называется. Не бросайте меня! Обставьте мой дом по своему вкусу. Я вам полностью доверяю.

Это задание пришлось очень по душе обеим женщинам. И кто бы отказался от увлекательного занятия подбирать ткани для каждой комнаты, драпировать окна, расставлять кресла и диваны, и многое другое, не выходя из своей комнаты, всё делая в воображении! Джорджиана рисовала акварелью и на ее картинках возникала то столовая с большим овальным столом, окруженным 20-ю стульями, то гостиная с фортепиано, маленькими столиками и красивыми креслами между окнами, то еще какие-то комнаты. Лиззи вносила поправки, уточнения. Стиву нравились картинки, и он писал внизу каждой: « Молодец!», «Отменно!», «Так!»

Стивен несколько раз уезжал на одну-две недели по своим делам, но, возвращаясь, немедленно включался в работу. Он настаивал на том, чтобы Джорджиана, как самая свободная из всех, активнее других занималась обустройством дома. На Дарси возлагалась проверка расходов: делались заказы в магазинах и на фабриках, привозилась мебель, ткани, зеркала, кухонная утварь и прочее. Настал момент, когда понадобилась помощь миссис Рейнолдс и миссис Флосс для подбора прислуги в доме.

Миссис Флосс рекомендовала пожилую даму – свою старую приятельницу – миссис Хейли экономкой в дом мистера Блэдфорда, Дарси отослал туда одну из своих горничных, чтобы она научила молодых неопытных девушек из Лэмтона предстоящему им делу. Повар Джеймс взялся опекать сына своего знакомого повара, передавая ему свое мастерство. Миссис Рейнолдс устроила строгий отбор для жителей соседнего городка, желающих получить работу в имении мистера Блэдфорда.

Встречаясь с Бингли, Лиззи и Джорджиана с увлечением рассказывали, каким интересным делом они заняты. Джейн давала советы по поводу тканей, в которых она знала толк, Кэролайн расспрашивала мисс Дарси о рисунках.

– Для кого все это делается? – как-то осторожно спросила мисс Бингли.

– Вот это – самая большая загадка, – честно призналась Лиззи. – Мистер Блэдфорд случайно обмолвился, что намерен жениться. Но на вопрос о том, кто его будущая жена, решительно отказался ответить. Впрочем, мы и не настаивали. Мы все делаем ради милого Стивена. Только ради него. А уж кто там поселится?!…«Не я ли?» – подумала мисс Бингли. Ее внимание к мистеру Блэдфорду не ослабевало, но она хорошо держалась, не давая повода для каких-либо подозрений на ее счет. Она ждала.

Дарси был наблюдателен. Он заметил особый интерес мисс Бингли к его другу, возникший очень скоро после их знакомства. Высокомерная, язвительная и надменная мисс оказывала мистеру Блэдфорду всегда очень любезный прием, окружала его вниманием, проявляла особую любознательность в разговорах с ним о химии и прочих предметах, обычно мало интересных дамам. Нет, Дарси не ошибался. У него уже был опыт человека, которого пытались уловить в сети.

А мисс Кэролайн Бингли была почти убеждена в том, что произвела на мистера Блэдфорда самое благоприятное впечатление. Она очень старалась. Он был тем самым человеком, который удовлетворял всем ее требованиям. Даже его рост был таков, что ее тюрбан был на уровне его глаз, а это было даже слишком, слишком хорошо! « Итак, мистер Блэдфорд хочет, чтобы его будущей жене все нравилось в его новом доме» – думала Кэролайн. Но она ни разу не слышала в общих разговорах даже отдаленного намека на существование женщины, имя которой хоть как-то было бы связано с мистером Блэдфордом. «Можно ли хлопотать об уюте гостиных, если совсем не знаешь вкусов этой женщины? Конечно, нет» – уверяла себя Кэролайн. А так как все свободное время он проводит в доме мистера Дарси, не делая предметом своего ухаживания Джорджиану, следовательно, вполне возможно, что именно она – Кэролайн – и есть та, которая поселится в новом доме. Других незамужних женщин просто не было в их маленьком дружеском кругу. Мистер Блэдфорд не хочет связывать себя обязательствами пока дом не вполне готов, однако его любезность и внимательность дают ей основание надеяться на скорое объяснение.

Прошло еще немного времени, и как-то вечером Стив предложил отправиться на следующее утро после завтрака в его поместье. Теперь дом был полностью готов, обустроен, обставлен. Переодевшись для прогулки верхом, Дарси, Лиззи, Джорджиана и Стив медленно двинулись в поместье Стива Гринхолл. Дарси и Стив решили проложить дорогу для экипажа от дома в Пемберли к самому дому Стива. Но пока такой дороги не было, ехали по большому лугу. Впереди Джорджиана и Стивен, несколько позади Дарси и Лиззи. Было холодно, дождливо, но это не могло остановить молодых людей.

– Стив, ты говорил, что придумал название для своего нового дома. Скажи же! – попросила Джорджиана. Их лошади шли рядом.

– Пока не могу, Джо. Ведь оно должно нравиться не только мне – хозяину, но и хозяйке, о которой я так мечтаю, которую так люблю, и так надеюсь ввести в этот дом!

Лицо Джорджианы стало бледным и напряженным. Она долго колебалась, но наконец спросила:

– Ты уже сделал ей предложение?

– Нет еще.

Джорджиана облегченно вздохнула. Но тревога не покинула ее душу. Она ехала молча.

– Еще не сделал, но… делаю это сейчас… и если ты, Джо, дорогая, любимая, отдашь мне свою руку, я постараюсь от счастья не свалиться с лошади…

Джорджиана радостно вздохнула, и протянула Стиву руку, которую он схватил и прижал к губам, а лошадь, почувствовав некоторую свободу, немного отодвинулась от своей соседки, и Стив чуть не стащил с седла Джорджиану, не желая отпустить ее руку.

– Стив, Стив, отпусти меня, я падаю! – закричала Джорджиана.

– Не делай этого, дорогая! – воскликнул он, и, опомнившись, отпустил ее руку. – Если ты упадешь и сломаешь ногу, мне придется нести тебя к алтарю на руках, а я непременно запутаюсь в твоей фате. Я очень не хочу, чтобы наше венчание было смешным. Ведь это будет самый счастливый день в моей жизни!

Стив оглянулся и, увидев, что их спутники далеко отстали, остановил лошадь, спрыгнул сам, и, сняв с лошади Джорджиану, заключил ее в объятие.

– Стив, что ты делаешь?! – воскликнула Джорджиана.

– Нарушаю все правила приличия, которые чопорные предки обрушили на наши бедные головы! Ни в одной стране люди так не мучают себя строгим соблюдением этикета, как мы в Англии. Недаром нас считают холодными! Но какие же мы холодные, Джо, любимая, когда твои губы и щеки так горят?! – говорил Стив, целуя Джорджиану.

– Ах, не надо, подожди, Стив! Вон Лиззи уже видит нас… мне неловко…

Из-за деревьев показалась Лиззи, за ней подъехал Дарси. Они успели заметить обнимающуюся пару, и придержали лошадей.

– Ты видел?

– И видел, и знал. Стив сказал мне, что сегодня, наконец, отважится. Я благословил его. На свете нет другого человека, которому я отдал бы сестру с большей радостью, чем Стив.

– Ты прав, дорогой! Я тоже об этом мечтала для Джо и давно раскусила его хитрость, когда он попросил Джо и меня заняться убранством комнат по нашему вкусу. Ему хотелось, чтобы все было так, как нравится Джо, а я была лишь для прикрытия его замысла.

– Ну, дорогая, тебя не обманешь! А я-то думал, что ему просто нужен женский глаз для создания уюта. Ах, Стив! Хитрец!

Дарси и Лиззи спешились, и, взяв лошадей под уздцы, подошли к Джорджиане и Стиву.

– Не хотите ли вы что-нибудь сказать нам? Радостное. Приятное. А? Джо? Стив?

– Хотим, – сказал Стив, – а вот что именно, догадайтесь сами, – добавил он, поглядывая на смущенную Джо.

– Джо, неужели ты смогла бы отказать этому человеку, даже помня, как он съел почти все шоколадные конфеты, сидя под деревом? – спросил Дарси.

– Нет, не смогла бы, брат! А за конфеты я давно его простила! – и она протянула руку Стиву, а он прижал ее к своей щеке.

– О каких конфетах вы говорите? Это не честно! Я одна ничего не знаю, – возмутилась Лиззи.

– Однажды эта барышня залезла на дерево и уселась на толстой ветке, – сказал Стивен. – На все уговоры спуститься, она отвечала решительным отказом. Тогда я пошел в дом, взял коробку шоколадных конфет, сел под деревом и начал есть их одна за другой. Это был мой первый подвиг, – я не любил шоколад с начинкой, но не выковыривать же ее! А молодая леди, сидевшая на ветке, очень любила эти самые конфеты. Увидев, что они вот-вот кончатся и коробка опустеет, она спросила сверху: «Стив, неужели ты все съешь?». «Конечно – ответил я – если ты не спрыгнешь, чтобы спасти хоть эти, оставшиеся». —«Тогда лови меня, а то я разобью коленки» – сдалась мисс-сладкоежка. Я, разумеется, поймал ее, и коленки остались целы.

– Сколько же тебе было лет, Джо? – смеялась Лиззи.

– Кажется, лет 8 —9. Только Стив обманул меня: в коробке оставалось всего две конфеты. Он успел все съесть. Если бы я знала!

В доме всюду камины согревали воздух. Было уютно и красиво.

– Итак, осталось только назначить день венчания и перевезти вот в этот свободный угол гостиной твое фортепиано и арфу. Так, Джо? – спросил Дарси. Вместо нее ответил Стив.

– Венчаться будем через 10 дней. Не вижу никаких причин откладывать. Тот, кто возразит, станет моим злейшим врагом

– А я-то думала, что Стив все время ездит в Пемберли ради меня! Что это я покорила его сердце, оставив беднягу без всяких надежд из-за Дарси! – воскликнула Лиззи, лукаво поглядывая на Стива.

– Для Вас, дорогая моя Лиззи, в моей душе всегда есть особое место. Но как только я вошел в ваш дом и увидел эту мисс, мое сердце сразу заняло всю грудную клетку и стало огромным. А так как я боялся, что Дарси сбросит меня со своей высокой лестницы, я твердо решил непременно стать не только другом, но и его родственником. Ради собственной безопасности, разумеется!

Вернувшись домой, все четверо обсудили текст объявления в газете, список гостей и праздничный обед в Пемберли, после которого молодожены уедут к себе, а гости останутся у Дарси и Лиззи.

– Так как же ты хотел назвать дом? – снова спросила Джорджиана.

– «Джостив». Но когда я подумал о том, как это будет в сочетании, например, «конюшня в Джостив», я понял, что моя затея никуда не годится. Оставим «Гринхолл», как было, если ты не возражаешь?

– Да. Пусть будет «Гринхолл».

Джо и Стив о чем-то пошептались, а потом Джо обратилась к брату и Лиззи.

– Мы очень просим вас обоих никому ничего не говорить о нашей помолвке. Завтра смотреть дом приедут Бингли. Пусть и они ничего-ничего не знают. Обещаете? Когда мы разошлем приглашения, тогда все и узнают. А пока…

Дарси и Лиззи обещали вести себя так, чтобы даже никаких предположений ни у кого не возникло.

На следующий день Бингли приехали до обеда, и все направились в Гринхолл. У порога их встретила экономка. Горничные расставляли в вазы ветки с красивыми листьями – это были самые последние приготовления. Осмотрев весь дом, выразив свое восхищение его удачно расположенными комнатами, их отделкой, прекрасной мебелью и всем, что они видели, гости во главе с мистером Блэдфордом направились в столовую, где уже была Джорджиана, и где их ждал обед, приготовленный молодым поваром.

Мисс Бингли ходила по комнатам, рассматривая обстановку и уделяя особое внимание мелочам, безделушкам. Вдруг она увидела вазу на угловом столике в малой гостиной. Ваза была совсем такая же, что стояла у нее в доме. Она сразу расценила это как изящный намек на то, что и в этом доме должны быть предметы, которые будут напоминать ей, хозяйке Гринхолла, ее комнату в доме брата. «Как это тонко, как деликатно!» – с душевным волнением подумала Кэролайн.

К вечеру Бингли вернулись в Лондон, где жили уже почти месяц, но вскоре собирались вернуться в Недерфилд.

Супружеская жизнь

Лиззи соскучилась по сестре. Ей хотелось запросто, как когда-то дома, до замужества, посидеть с ней, поболтать. Она попросила Джейн отправить мужа с его сестрой в поместье, а самой приехать погостить у нее.

Через несколько дней Джейн приехала. Как и всегда, прежде всего она отправилась к малышам. Джейн радостно протягивала руки навстречу Джонни, который шлепался на пол, вставал, но упорно шел к маме и тете, осторожно передвигая маленькими ножками, обутыми в шерстяные башмачки.

Эми лучше двигалась и весело смеялась, когда отец подбрасывал ее высоко- высоко над собой, а потом крепко целовал розовые щечки.

– Джейн, почему у тебя нет ребенка? Ты не хочешь? – спросила ее Лиззи, когда Дарси вышел из комнаты.

– Очень хочу. Чарльз не хочет. Он считает, что пока с нами живет Кэролайн, это очень осложнит нашу и без того трудную жизнь.

– Трудную? Трудную жизнь, ты сказала, Джейн?! Что это значит? Тебе плохо живется, дорогая? – удивилась Лиззи, не зная, как понять ее слова.

– Ах, Лиззи! Не здесь… пойдем к тебе…

Рассказ Джейн был печален. Она говорила о том, что живет в доме своего мужа не как хозяйка, а, скорее, как родственница, которую нельзя выгнать и потому приходится терпеть. Хозяйкой дома остается по-прежнему Кэролайн. Она все решает, она отдает приказы слугам, отменяет распоряжения Джейн. Слуги не знают, кого им слушать и частенько приходят к Джейн спросить, чего бы ей хотелось. Слуги ее любят, а мисс Бингли боятся. Джейн плакала, рассказывая Лиззи, как Кэролайн никогда не упускает случая упрекнуть ее небольшим приданым, с насмешкой повторяет какое-нибудь неудачное выражение их матери, сделанное на балу, с презрением вспоминает выходки Лидии.

– Знала бы ты как это тяжело! Я уверена, что если бы Кэролайн понимала, как недостойно ее поведение, она бы всего этого не делала, она ведь не злая и не глупая, но…

– Ах, Джейн, Джейн! Ты даже это готова оправдать! А что же Чарльз? Неужели он не может повлиять на сестру?

– Чарльз ничего не замечает, ничего не видит. Ведь открытых ссор не бывает. Я просто ухожу в свою комнату и там…

– Плачешь?

– Да, Лиззи, плачу. Что же я могу? Не жаловаться же каждый раз мужу! Мои жалобы выглядели бы пошло: жена мужа и его сестра всегда недовольны друг другом. Это обычно. Не стану же я так низко вести себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.